ГРЕКО-РОССІЙСКАЯ ЦЕРКОВЬ

САМА ВЪ СЕБѢ И ВЪ СВОИХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ

КЪ ЦЕРКВАМЪ ЗАПАДА.

Современный очеркъ.

Худая вещь незнаніе; оно служитъ причиною многихъ золъ для людей, такъ какъ окутываетъ всѣ предметы какъ-бы туманомъ, каковымъ закрываетъ и истину. *Лукіанъ:* Περὶ τοῦ μὴ πιστεύειν τῇ διαβολῇ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ѳ. Г. Елеонскаго и К°., Невскій просп., д. 140.
1880.

ГРЕКО-РОССІЙСКАЯ ЦЕРКОВЬ

САМА ВЪ СЕБѢ И ВЪ СВОИХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ

КЪ ЦЕРКВАМЪ ЗАПАДА.

Современный очеркъ.

Худая вещь незнаніе; оно служитъ причиною многихъ золъ для людей, такъ какъ окутываетъ всѣ предметы какъ-бы туманомъ, каковымъ закрываетъ и истину. *Лукіанъ:* Περὶ τοῦ μὴ πιστεύειν τῇ διαβολῇ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ѳ. Г. Елеонскаго и К°, Невскій просп., д. 140.
1880.

(Изъ журнала «Христ. Чтеніе» № 9—10 1880 г.).

Печатать дозволяется 15 го Сентября 1880 г. Экстр.-орд. профессоръ с.-петербургской духовной академіи *Андрей Предтеченскій*.

Благочестивымъ

и

Православнымъ Членамъ

Единой

Святой

Каѳолической

и Апостольской

Греко-Россійской

соединенной

ЦЕРКВИ

посвящаетъ

авторъ.

Вмѣсто предисловія.

Считаемъ не лишнимъ сказать два-три слова для читателя нашего этюда о тэмѣ, въ немъ разсматриваемой.

До объявленія русско-турецкой войны 1877 г. Европа различно относилась къ громадной имперіи Петра Великаго; руссофобія, распространившаяся по всей Европѣ и усиленная Наполеономъ I, превратилась въ эпидемическую болѣзнь, для которой до сихъ поръ еще не отыскано никакого лекарства, если не считать кое-какихъ жалкихъ, не заслуживающихъ вниманія статей, появлявшихся въ европейской журналистикѣ, а въ послѣднее время проникшихъ и въ турецкую,—статей, имѣющихъ цѣлію облегчить лишь страданія зараженныхъ ею, и брошуръ, которыя потому только и заслуживаютъ упоминанія, что въ нихъ насмѣшки по временамъ смѣняются койкакими благожелательными замѣтками. Все это, т. е. статьи и листки, служатъ своего рода лекарствомъ противъ болѣзни руссофобіи. Болѣзнь эта, послѣ того какъ уже многіе ею перехворали, стала было ослабѣвать, но въ наши дни ее снова оживилъ Наполеонъ III, особенно усердно старавшійся вызвать страшное пугало панславизма въ 1853 и слѣдующихъ годахъ по всей Европѣ и поднять противъ Россіи крестовый походъ, извѣстный подъ именемъ Крымской войны.

Если читатель знаетъ, что идея Наполеоновскаго крестоваго похода расчитана была на гегемонію Франціи надъ Европою и слѣд. на утверж-

---

[1]) Авторъ статьи—грекъ, тотъ самый, котораго двѣ статьи помѣщены были въ «Христ. Чтеніи» за прошлый 1879 г. (Часть II, стр. 407—467). Переводъ съ новогреческаго сдѣланъ достопочтеннымъ профессоромъ церк. исторіи въ нашей академіи И. Е. Троицкимъ. *Ред.*

деніе династіи Наполеона, то легко пойметъ, по какой причинѣ и съ какою цѣлію пугалъ міръ Россіей жалкій Седанскій плѣнникъ. Вотъ откуда ведетъ свое начало идея, будто панславизмъ есть духъ, охватившій всю Россію и выжидающій только благопріятнаго момента для того, чтобы поглотить всѣ народности русской народностью. Вотъ почему робкіе умы министровъ Турціи, вдохновляемые французскимъ и англійскимъ дворами, часто искали себѣ выхода въ темной Макіавелевской политикѣ этихъ дворовъ, провозгласившей, будто интриги панславизма не дозволяютъ турецкой имперіи идти путемъ благосостоянія и прогресса. Руссофобія и панславизмъ постоянно эксплуатировались, какъ благовидное оправданіе для шарлатанства узурпаторовъ и послѣ того, какъ пріобрѣли себѣ прозелитовъ въ Европѣ, мало по малу переданы были и востоку преимущественно англійскими и французскими агентами.

Волненіе идей, направлявшееся съ запада, произвело свое дѣйствіе и на востокѣ, гдѣ нѣкоторыя періодическія изданія начали охватываться эпидеміей руссофобіи, и крайніе патріоты съ каѳедръ по временамъ стали метать молніи народныхъ анаѳемъ въ славянскій міръ. Къ тому же съ давнихъ поръ начали рыскать по Болгаріи папскіе миссіонеры и нѣкоторые изъ нихъ, особенно въ началѣ, хорошо знакомые съ русскимъ языкомъ,—вѣроятно изъ польскихъ католиковъ,—оскорбительно отзывались о восточной греко-россійской церкви, склоняя болгаръ къ отдѣленію отъ константинопольскаго патріарха, котораго выставляли сообщникомъ Порты, помогающимъ ей удерживать ихъ въ рабствѣ. Вотъ откуда ведетъ свое начало болгарскій вопросъ. Возникши первоначально, какъ вопросъ административный, онъ превратился потомъ въ догматическій. Но хотя отдѣленіе болгаръ отъ константинопольской церкви и было привѣтствуемо константинопольскими греками, тѣмъ не менѣе оно было дѣломъ минутнаго увлеченія. Подъ вліяніемъ этого увлеченія на первыхъ порахъ высказывалось требованіе объ отсѣченіи всего славянскаго міра отъ тѣла православія, о низложеніи всѣхъ архіепископовъ и патріарховъ, сочувствовавшихъ славянамъ, о провозглашеніи Аѳонской горы мѣстопребываніемъ однихъ только грековъ и объ изгнаніи оттуда русскихъ на томъ основаніи, что Аѳонъ есть жилище православныхъ, а православные теперь одни только греки! Руссофобія сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ эпидеміи и много навредила грекамъ. Въ то время, какъ европейскій міръ, очнувшись отъ вѣковаго заблужденія, пересталъ уже послѣ 1856 г. смотрѣть на Россію прежними глазами, когда европейскія державы стали искать дружескаго сближенія съ Россійской имперіей, православные греки вдругъ объявили войну этой державѣ, а вмѣстѣ съ

нею и всему славянскому міру. Нѣкоторыя неразумныя головы вообразили себѣ, что западныя державы возьмутъ подъ свою защиту права эллинизма, на которыя никто не посягалъ, и введенныя въ заблужденіе англійской политикой увѣряли себя и другихъ, будто можно вести начатую ими войну посредствомъ галатскихъ газетъ и зажигательныхъ и легкомысленныхъ филиппикъ, и будто Европа предприметъ вторую Крымскую компанію въ интересѣ эллинизма.

Русско-турецкая война 1877 г. показала во очію этимъ горячимъ греческимъ головамъ, что положеніе европейскихъ державъ относительно Россіи измѣнилось, а пренія на Берлинскомъ конгрессѣ обнаружили, что Россія и не думала смотрѣть завистливыми глазами на величіе и благоденствіе эллинизма, какъ они себя увѣряли, и что наконецъ ихъ жаркія филиппики противъ Россіи вовсе не выражали собою настроенія греческаго народа.

1877 годъ доказалъ, что Европа не руководствуется уже принципами 1856 года и тѣ, которые думали, что Европа объявитъ войну Россіи изъ-за того, что эта послѣдняя захотѣла облегчить болгарамъ возможность жить по человѣчески во второй половинѣ XIX вѣка, заблуждались. Къ счастью такихъ было немного. Многіе думали, что эллинизму не слѣдуетъ ждать своего спасенія отъ Западной Европы. Эти были правы. Равно какъ правы были они и въ томъ своемъ предположеніи, что русское племя вовсе не желаетъ порабощенія греческаго племени. Это даже и въ доказательствахъ не нуждалось.

Въ предпринятомъ нами очеркѣ отношеній греко-восточной церкви къ русской и обѣихъ вмѣстѣ къ церквамъ Запада мы имѣемъ въ виду сообщить данныя, полезныя какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ; это и даетъ намъ смѣлость писать настоящій этюдъ.

Можетъ быть нѣкоторые пожелаютъ остаться при своихъ мнѣніяхъ не смотря ни на что; такіе, безъ сомнѣнія, оттолкнутъ отъ себя нашъ этюдъ, встрѣтивъ въ немъ данныя и выводы, не оправдывающіе ихъ мнѣній. Тѣ же, которые не считаютъ себя непогрѣшимыми, этого не сдѣлаютъ. А нашъ этюдъ и писанъ для этихъ послѣднихъ. Имъ же онъ и посвящается.

Авторъ.

I.

Когда европейскіе публицисты и учоные собираются трактовать о Восточной церкви, или прямо упоминаютъ о ней по тому или другому случаю, то называютъ ее обыкновенно греко-россійскою церковію.

Причина такого названія очень проста и понятна.

Такъ называемую греческую церковь составляютъ церкви— константинопольская, александрійская, антіохійская, іерусалимская и кипрская, а россійскую — всѣ православные, живущіе въ Россійской имперіи. Въ недавнее сравнительно время къ русской церкви присоединена независимая православная архіепископія Иверіи или по болѣе употребительному названію—Грузіи, а къ константинопольской церкви независимая православная архіепископія Ахриды или Болгаріи. И наоборотъ тоже сравнительно недавно отдѣлились отъ константинопольскаго патріаршаго престола, прежде бывшія соединенными съ нимъ въ административномъ отношеніи, церкви — Эллинскаго королевства и княжествъ Румынскаго, Сербскаго и Болгарскаго. Была нѣкогда соединена въ административномъ отношеніи съ константинопольскою церковью и церковь русская, какъ въ томъ же отношеніи была отдѣлена отъ вселенскаго патріархата независимая архіепископія Ипекская, обнимавшая епархіи, находящіяся въ настоящее время въ предѣлахъ Албаніи. Но административное отдѣленіе означенныхъ церквей вовсе не означало ихъ раздѣленія съ церковію, отъ которой онѣ отдѣлялись. Когда патріархъ Фотій созвалъ великій соборъ, которому предлежало рѣшить вопросъ о Болгаріи, т. е. о томъ, какому патріарху долженъ принадлежать надзоръ за нею, тогда православная церковь объявила, что предѣлы той или другой церковной области могутъ быть измѣняемы всякій разъ, какъ скоро измѣняются предѣлы политической области, въ которой находится церковь. Отсюда и на основаніи этого принципа совершилось освобожденіе церквей—Эллады, Семиостровья,

Румыніи; такимъ же точно образомъ и по тому же принципу могло состояться освобожденіе церкви болгарской, сербской и всякой другой. По этой же причинѣ, когда отдѣлилась отъ патріаршей Константинопольской области церковь русская, патріархи и архіепископы Восточной церкви ничего не сказали и не сдѣлали никакихъ препятствій. По этой же причинѣ, когда Россійская имперія присоединила къ себѣ царство Грузинское и вмѣстѣ съ нимъ и независимую архіепископію этого царства, то ни вселенскій патріархъ ничего противъ этого не сказалъ, ни остальные патріархи греческой церкви. Это мы говоримъ мимоходомъ, считая эти замѣтки полезными для нашей тэмы.

Единеніе православной церкви не есть единеніе административное, оно покоится на болѣе прочномъ и непоколебимомъ основаніи, есть единеніе въ догматѣ, единеніе въ любви, и всегда существовало какъ между церквами восточными, такъ и между ними и русскою церковію. А помѣстные соборы, собиравшіеся въ разныя времена и по разнымъ церковнымъ нуждамъ, равно какъ и обмѣнъ мыслей, который поддерживали между собою всѣ эти церкви по догматическимъ вопросамъ, постоянно поддерживали и укрѣпляли существовавшую между ними двоякую связь—связь вѣры и любви. А православный читатель знаетъ, что это—величайшія христіанскія добродѣтели. Въ нихъ пребывали неразрывно соединенныя другъ съ другомъ греческія церкви Востока и русская церковь. Желая указать на эту связь, публицисты, учоные и богословы Запада и называютъ православную церковь церковью Греко-Россійскою. Да оно такъ и есть на самомъ дѣлѣ, поелику въ настоящее время она состоитъ изъ двухъ главныхъ стихій греческой и славянской и въ своей практикѣ употребляетъ оба языка этихъ стихій, и потому имѣетъ такое же право называться греко-россійскою, какое западная церковь—латинскою. Отъ этой послѣдней мы должны отличать церкви протестантскія.

Эта связь между русской и греческой церковью, это единеніе имѣютъ историческое происхожденіе и скрѣплены событіями и фак-

тами цѣлыхъ девяти вѣковъ. По прошествіи же столькихъ вѣковъ явилось обстоятельство, омрачившее отношенія между русскою церковію и греческими церквами Востока и произведшее охлажденіе между ними. Обстоятельствомъ этимъ была болгарская схизма 1872 г. Какъ снѣгъ на голову посыпались тогда оскорбленія на русскую церковь; къ этому же времени относится и требованіе, предъявленное нѣкоторыми горячими головами константинопольскому патріарху о совершенномъ отсѣченіи отъ тѣла православія всѣхъ, находившихся подъ управленіемъ церкви сѣвера. Греки, воображавшіе себя публицистами и политиками, выступили противъ русской церкви съ совершенно неосновательнымъ обвиненіемъ въ томъ, что она будто бы преслѣдуетъ свою сестру, греческую церковь Востока. Это совершенно несправедливое обвиненіе подало однакожъ разнымъ греческимъ ортодоксаламъ поводъ платить тѣмъ же русской церкви.

Можетъ быть эти идеи и до сихъ поръ гнѣздятся въ душѣ нѣкоторыхъ и извѣстная часть греческаго общества позволяетъ по прежнему обманывать себя разнымъ демагогамъ, распинающимся за интересы какой либо посторонней, неправославной власти. Поэтому читатель не долженъ удивляться, если услышитъ, что иностранная политика или церковная власть, ухватившись за это охлажденіе между греческой и русской церковью, создала пугало панславизма. Въ 1872 г. Фанаръ сдѣлался ареной, на которой состязались одна съ другой двѣ, скорѣе церковно-политическія, чѣмъ религіозныя партіи, изъ которыхъ одна хотѣла ухаживать за церквами и державами Запада, въ предположеніи, что онѣ поспѣшатъ устроить возсоединеніе греческой церкви съ западными, а другая искала братскаго содѣйствія и любви русской церкви,—другими словами, представители этой послѣдней старались сохранить истинное и дѣйствительное настоящее, а представители первой гонялись за невѣрнымъ и фантастическимъ будущимъ. Эти ухватились обѣими руками за схизму 1872 г., но напрасно поусердствовали: ни одного поощрительнаго голоса не раздалось, ни одна рука не протянулась съ За-

пада. Ошибка состояла въ томъ, что они искали невозможнаго, забывши великіе уроки цѣлыхъ столѣтій.

Дѣйствительно, развѣ были когда либо дружелюбно расположены къ греческой церкви церковь латинская или протестантскія церкви Запада? Развѣ съ другой стороны русская церковь посягала когда либо на догматы, преимущества и независимость сестры своей церкви греческой или преслѣдовала ее? Если изслѣдованіе исторіи отношеній греческой церкви къ русской съ одной стороны и къ церквамъ Запада съ другой покажетъ нѣчто противное тому, что думаютъ старающіеся поддерживать упомянутое охлажденіе между церквами, то результатъ этого изслѣдованія вполнѣ оправдаетъ тѣхъ, которые думаютъ, что вмѣсто невозможнаго будущаго лучше позаботиться объ улаженіи настоящаго, чтобы не очутиться въ положеніи Езоповой собаки, бросившей кусокъ дѣйствительнаго мяса и вмѣсто него пытавшейся схватить его тѣнь, отражавшуюся въ рѣкѣ.

Исторія учитъ, что со временъ перваго вселенскаго собора и далѣе до патріарха Фотія церкви—восточная и римская хранили единеніе въ догматѣ и назывались сестрами, хотя братская любовь между ними была скорѣе кажущеюся, чѣмъ дѣйствительною. Обѣ онѣ смотрѣли одна на другую подозрительно, нерѣдко сталкивались одна съ другой, поднимали богословскіе споры, оканчивавшіеся уже совсѣмъ не по братски. И въ эту эпоху, равно какъ и въ предшествовавшую, столкновенія между обѣими церквами имѣли своимъ результатомъ лишь охлажденіе любви между ихъ членами, любви, служившей связью между ними. Если бы обѣ онѣ отдали свое дѣло на судъ историка, то ему не трудно было бы постановить приговоръ. Этотъ приговоръ былъ бы слѣдующій. Главная причина частыхъ недоразумѣній и столкновеній между церквами, окончившихся столь печально, заключалась въ томъ, что римская церковь ни за что не хотѣла признать восточную церковь равночестною себѣ, а добивалась главенства надъ нею, что и было причиною соблазновъ и тѣмъ болѣе, что восточные патріархи и архіе-

реи никогда не признавали папу римскаго выше себя и не жертвовали своимъ равночестіемъ даже въ минуты опасности. Въ актахъ Флорентійскаго собора сохранился одинъ эпизодъ, показывающій, какъ были ревнивы на счетъ своего достоинства восточные архіереи. По прибытіи патріарха Іосифа съ императоромъ Іоанномъ Палеологомъ въ Феррару, папа Евгеній отправилъ къ нему шесть епископовъ съ требованіемъ, чтобы какъ самъ онъ, такъ и архіереи греческіе при представленіи папѣ облобызали его ногу. Старецъ патріархъ пришелъ въ негодованіе и—совершенно справедливо. „Какъ можетъ папа заявлять такое требованіе?—спросилъ онъ. Если онъ—преемникъ апостола Петра, то и мы тоже преемники другихъ апостоловъ. А развѣ апостолы цѣловали когда либо ногу у Петра? И никакой соборъ не давалъ папамъ этого права". И въ заключеніе объявилъ, что онъ возвратится назадъ, если папа не отступится отъ своего ни съ чѣмъ несообразнаго требованія.

Всѣ, которые возьмутъ на себя трудъ перелистывать церковную исторію, увидятъ, что высокомѣрныя притязанія на главенство всегда смущали всю церковь и нерѣдко іерархи другихъ церквей входили изъ-за этихъ притязаній въ коллизіи съ римскими папами. Такъ еще въ концѣ II вѣка римскій папа Викторъ выразилъ претензію навязать свое мнѣніе епископу ефесскому Поликрату, а въ срединѣ III вѣка подобную же претензію обнаружилъ папа Стефанъ, навязывавшій свое мнѣніе о крещеніи церкви карѳагенской, что и было причиною церковной распри между нимъ и Кипріаномъ Карѳагенскимъ. Таково же было отношеніе римской церкви къ церквамъ востока до самаго Фотія. Во весь этотъ длинный девятивѣковый періодъ времени отношеніе римской церкви какъ къ восточнымъ такъ и къ другимъ церквамъ было пренебрежительное, т. е. отличалось тѣмъ же духомъ и характеромъ, какимъ отличалось отношеніе древняго высокомѣрнаго Рима къ покореннымъ и униженнымъ имъ народамъ и государствамъ. Этимъ же жосткимъ, отталкивающимъ характеромъ отличались отношенія рим-

скихъ первосвященниковъ къ восточнымъ церквамъ съ IX вѣка до реформаціи.

Читатель видитъ, что мы принимаемъ собственно одинъ только періодъ въ исторіи отношеній между греческой и русской церквами. И дѣйствительно онъ былъ одинъ.

Все сказанное доселѣ служитъ прелюдіей къ драмѣ, важнѣйшія перипетіи которой мы намѣрены развернуть предъ читателемъ. Съ IX вѣка присоединилась къ православной церкви громадная масса вѣрующихъ, которые всегда отождествляли свои интересы съ интересами греческой церкви на востокѣ и которые никогда не хотѣли отпадать отъ константинопольской церкви, съ которой съ самаго IX в. и до настоящаго времени были постоянно связаны единствомъ догматовъ и христіанскою любовію, а до взятія Константинополя турками были соединены и единствомъ администраціи. Поэтому главнѣйшею точкою исхода въ нашемъ изслѣдованіи будетъ та эпоха, въ которую славянскій міръ дѣлается дорогимъ членомъ великаго православно-христіанскаго общества. Исторія отношеній между греко-россійской и римской церквами до взятія Константинополя или вѣрнѣе до половины XVI в. вынуждаетъ насъ остановиться на этой великой эпохѣ. До этой эпохи греко-россійская церковь была единою церковью не въ догматическомъ только, но и въ административномъ отношеніи, такъ же точно, какъ римская церковь. Съ этого момента онѣ отдѣляются одна отъ другой. Но отдѣленіе русской церкви отъ греческой было простымъ административнымъ и потому совершилось тихо и безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій для ихъ дальнѣйшихъ отношеній: между тѣмъ какъ отдѣленіе протестантовъ отъ западной церкви было не только административнымъ, но и догматическимъ.

Протестантская церковь, отдѣлившись отъ римской, стала клониться къ упадку. А почувствовавши этотъ упадокъ, она стала искать себѣ твердой опоры. Почувствовала подобный же упадокъ и отдѣлившаяся отъ римской церкви церковь англиканская, — и та также стала осматриваться вокругъ себя и искать опоры и

прочнаго центра, который имѣлъ бы за себя историческій авторитетъ вѣковъ. Такимъ центромъ была греко-восточная церковь, признанія и поддержки которой и стали добиваться и протестанты и англикане, такъ что междуцерковныя отношенія греческой церкви съ XV вѣка благодаря этому начинаютъ расширяться. Вслѣдствіе всего этого необходимо предварительно разсмотрѣть положеніе, занятое относительно греческой церкви церквами римской, протестантской и англиканской, и потомъ уже бросимъ бѣглый взглядъ на отношенія греческой церкви къ русской, отношенія, представляющія въ настоящее время особый интересъ вслѣдствіе усилій иностранной политической и религіозной пропаганды пошатнуть ихъ вѣковую основу. Надѣемся, нѣтъ нужды оправдывать предъ нашими читателями намѣченный нами планъ нашего очерка. Онъ такъ простъ и понятенъ, что, по нашему мнѣнію, достаточно оправдываетъ самъ себя. При выполненіи его мы будемъ имѣть въ виду, насколько правы тѣ, которые вѣрятъ, что западныя христіанскія государства поспѣшатъ на помощь и спасеніе бѣдствующему православному эллинизму, и насколько правы другіе, думающіе, что для эллинизма не страшна война ни съ англичанами, ни съ французами, ни съ католиками, ни съ протестантами, ни съ миссіонерами англиканской церкви, а страшна лишь война съ русскими священниками и монахами.

II.

Первый поводъ къ окончательному раздѣленію обѣихъ церквей, т. е. восточной и западной, поданъ былъ во времена патріарха Фотія, когда болгары приняли христіанство. Римскій дворъ подъ тѣмъ предлогомъ, что болгарская страна принадлежитъ ему, началъ, вслѣдъ за сообщеніемъ болгарамъ первыхъ свѣдѣній о христіанствѣ греками, посылать прямо отъ себя массы франкскихъ монаховъ—миссіонеровъ для наставленія болгаръ въ истинахъ христіанства [1]). Въ это же время Римъ принялъ и пресловутое при-

[1]) Фактъ этотъ изложенъ у автора не точно. Во 1-хъ папы требовали по-

бавленіе къ символу вѣры [1]),—что привело въ негодованіе греческую церковь, которая чтила неприкосновенность символа, какъ неприкосновенность самого евангелія, не позволяя себѣ прибавлять или убавлять въ немъ ни одной іоты или черты. Впрочемъ на Константинопольскомъ соборѣ 869 г. папа ничего больше не требовалъ кромѣ провозглашенія его главою всей церкви со властію, превышающею власть вселенскихъ соборовъ. Требованіе это, какъ извѣстно, было отвергнуто великимъ Константинопольскимъ соборомъ 879 г. И на этомъ послѣднемъ соборѣ папская церковь показала, что ее интересуетъ не прибавленіе filioque къ символу, а вопросъ о признаніи ея власти надъ Болгаріей и преобладанія надъ всѣми прочими восточными церквами. По этой же, кажется, причинѣ послѣдующіе византійскіе императоры пытались возстановить сношенія между обѣими церквами то по политическимъ, то по личнымъ разсчетамъ. Такъ наприм. императоръ Левъ Мудрый, желая вступить въ четвертый бракъ съ своей фавориткой и встрѣтивъ сопротивленіе своему желанію со стороны патріарха Николая Мистика, прибѣгъ къ папѣ Сергію III, который поспѣшилъ дать свое согласіе не только на желаніе императора, но и на низложеніе сопротивлявшагося этому желанію патріарха Николая. Тогда сношенія между церквами были возстановлены, но потомъ снова были прерваны. Позднѣе императоръ Василій болгароктонъ, задумавши подчинить своему скипетру Италію, снова возобновилъ сношенія съ римскою церковію, главою которой былъ въ то время папа Іоаннъ XIX. Впослѣдствіи и императоръ Константинъ Мономахъ, находясь въ войнѣ съ норманнами, входилъ въ сношенія

чиненія себѣ Болгаріи на томъ основаніи, что страна ими занимаемая входила нѣкогда въ составъ Солунскаго экзархата, принадлежавшаго къ римскому патріаршему округу; во 2-хъ миссіонеровъ въ Болгарію папа (Николай I) отправилъ не по собственному почину, а по просьбѣ болгарскаго князя Бориса Михаила. *Перев.*

[1]) Опять не точность. Filioque въ это время не было еще внесено въ символъ Римской церкви, а лишь въ символъ франкскихъ церквей; вотъ почему папы и не настаивали на припятіи его въ символъ восточной церкви. *Перев.*

съ римскою церковію, но всѣ эти попытки установить братскія отношенія между римскою и греческою церквами потерпѣли неудачу и взаимное настроеніе церквей въ половинѣ XI в., когда патріархъ Михаилъ Керулларій и папа Левъ IX обмѣнялись взаимными анаѳемами, оказалось крайне враждебнымъ.

Съ этого времени римская церковь дѣлается непримиримымъ врагомъ и гонительницей восточной церкви. Начало формальнаго гоненія, воздвигнутаго римской церковью противъ восточной, относится къ послѣднимъ годамъ XII вѣка. Потерпѣвши много разъ неудачу въ своихъ усиліяхъ подчинить себѣ свою восточную сестру, она устроила извѣстное разбойническое нападеніе Роберта Гюискарда на Иллирію и тѣ страшныя опустошенія, которыя произвели по ея мановенію норманны по берегамъ и на материкѣ этой несчастной страны, и имѣла утѣшеніе видѣть взятіе города Дирразія [1]) и другихъ прибрежныхъ городовъ нынѣшней Албаніи, принадлежавшихъ тогда византійской имперіи, а слѣдов. и греческой церкви, и затѣмъ паденіе Солуня, надъ жителями котораго служители папской тираніи совершили неслыханныя жестокости потому только, что они были греки, непризнававшіе папу главою церкви. Подробное описаніе этихъ жестокостей оставили намъ тогдашній солунскій архіепископъ Евстаѳій, бывшій очевидцемъ этихъ жестокостей, и византійскій историкъ Никита Хоніатъ, тоже современный имъ. Описаніе послѣдняго дышетъ такой реальной правдой, что мы не можемъ удержаться, чтобы не привести изъ него нѣсколько наиболѣе характерныхъ мѣстъ. „Событія, послѣдовавшія за этимъ (взятіемъ города), составляютъ цѣлую Иліаду бѣдствій, ужасы которой выше трагическихъ. Всѣ дома въ городѣ были покинуты жителями; не было ни жилища, въ которомъ можно было бы спастись, ни переулка, который избавлялъ бы отъ убійцъ, ни подземельевъ, которыя скрывали бы надолго. Ни жалобный видъ не возбуждалъ состраданія, ни просьбы не

---

[1]) Нынѣ Дураццо или Драчь.

трогали; мечъ гулялъ по всѣмъ, и только ударъ, прекращавшій жизнь, полагалъ предѣлъ неистовству. Напрасно многіе сбѣгались и во святые храмы, тщетна была надежда и на святыя иконы. Варвары, смѣшавъ божеское и человѣческое, не уважали божественныхъ предметовъ, и не давали пощады прибѣгавшимъ во святыя мѣста... Враги, съ оружіемъ въ рукахъ врываясь въ храмы, умерщвляли всѣхъ, кого встрѣчали и, какъ жертвенныхъ животныхъ, безпощадно закалали тѣхъ, кого хватали. И могли ли щадить людей тѣ, которые не уважали святыни и нисколько не боялись Бога! Но еще не столько удивительно то, что они похищали вещи, посвященныя Богу, скверными руками касались того, что было неприкосновенно, и песьими глазами разсматривали то, что должно быть недоступно для взора,—сколько нечестиво то, что они повергали на землю святыя иконы Христа и Его угодниковъ, попирали ихъ ногами, и, если находили въ нихъ какое нибудь дорогое украшеніе, срывали его какъ попало, а самыя иконы выбрасывали на перекрестки для попранія прохожимъ, или варенія пищи. Всего же нечестивѣе и нетерпимѣе для слуха вѣрующихъ то, что нѣкоторые изъ нихъ, взойдя на престолъ, предъ которымъ благоговѣютъ сами ангелы, плясали на немъ, безобразно прыгали, распѣвая какія-то варварскія, отвратительнѣйшія народныя пѣсни"... Разсказывая объ этихъ безобразіяхъ и неистовствахъ, историкъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній, неутратившихъ своего значенія и для настоящаго времени: „конечно, и всѣ вообще съ взятыми на войнѣ плѣнниками обращаются дурно, поступаютъ немилосердно и дѣлаютъ все, что внушаетъ гордость побѣдителя: но латинянинъ, побѣдившій врага и захватившій его въ свои руки, есть зло самое несносное и неизобразимое словомъ. И если плѣнникомъ его будетъ ромей (грекъ) и притомъ человѣкъ вовсе незнающій итальянскаго языка и столько чуждающійся иностранныхъ обычаевъ, что даже въ одеждѣ у него нѣтъ ничего общаго съ латинами, то его считаютъ существомъ отверженнымъ отъ Бога и осужденнымъ на то, чтобы принять несмѣшанный сосудъ и испить нераст-

воренную чашу гнѣва Божія. Какая смертоносная эхидна, какой ядовитый змѣй, блюдущій пяту, какой левъ, губитель быковъ, пренебрегающій вчерашнимъ ловомъ и питающійся только свѣжею добычею, можетъ такъ неистовствовать, какъ неистовствуютъ безчеловѣчные латиняне надъ своими плѣнниками? Они не трогаются мольбами, не смягчаются слезами, не умиляются ласковыми словами... Какого самаго ужаснаго зла не сдѣлаетъ человѣкъ, ненавидящій ромеевъ, собравшій въ сердцѣ своемъ такую злобу къ грекамъ, какой никогда не собиралъ въ себѣ и не порождалъ самъ древній змій, врагъ человѣческаго рода? Проклятые латиняне считаютъ чуть не раемъ страну, въ которой намъ досталось жить и собирать плоды; до безумія влюбленные въ наши блага, они вѣчно злоумышляютъ противъ нашего рода и стараются всячески сдѣлать намъ зло".

„Но будемъ продолжать свой разсказъ... И не въ продолженіи только войны солунцы, какъ мы сказали, терпѣли ужаснѣйшія бѣдствія, но, и съ окончаніемъ ея, судьба не склонилась къ милосердію, и побѣдители не сдѣлались къ нимъ снисходительнѣе. Варвары не только выгнали владѣльцевъ изъ ихъ домовъ и присвоили себѣ все, что въ нихъ было собрано, но отняли у нихъ и платье, не исключая послѣдней одежды... даже куска хлѣба не давали они домохозяевамъ, трудовымъ имуществомъ которыхъ овладѣли. Сидя въ чужихъ домахъ, они ежедневно пировали и прогуливали все, что было можно, а тѣхъ, которые съ трудомъ нажили это, пустили бродить по перекресткамъ, голодать, спать на голой землѣ, ходить безъ обуви и одежды, такъ что для людей, прежде богатыхъ и знатныхъ, теперь ложемъ была земля, кровлею—небо, а теплою постелью—навозъ. Но,—что хуже всего и что уязвляетъ въ самое сердце,—прежнимъ хозяевамъ нельзя было входить даже въ свои домы. Если же кто входилъ или только заглядывалъ, того... тотчасъ же хватали, приводили къ отвѣту и послѣ многократныхъ допросовъ... жестоко сѣкли и заставляли отдать деньги, полагая, что онѣ спрятаны у него гдѣ нибудь въ домѣ... Не разъ случа-

лось, что иной отдавалъ все, что спряталъ,... и однакожъ не избавлялся отъ плетей... А недававшихъ пытали, сѣкли, вѣшали за ногу, коптили дымомъ, зажигая подложенную подъ нихъ солому, мазали имъ уста нечистотою, кололи ихъ копьями въ бока и подвергали безчисленному множеству другихъ мученій. Они или умирали среди такихъ страданій, или полумертвые были вытаскиваемы изъ дому за ногу, и брошенные какъ соръ лежали на улицахъ подъ открытымъ небомъ... Но латиняне не оказывали никакого сострадания тѣмъ, кого лишили имущества... напротивъ они еще смѣялись надъ наготою многихъ и громко хохотали, когда проходилъ кто нибудь высохшій отъ голода, съ раздутымъ желудкомъ, съ блѣднымъ какъ у мертвеца лицемъ отъ того, что лучшую его пищу составляли овощи... Если же заставали ромеевъ за столомъ, когда они ѣли полбовый хлѣбъ или какую нибудь другую пищу.., въ насмѣшку надъ ними опрокидывали чаши, толкали ногою столъ и прерывали обѣдъ; не давали ни во время съѣсть кусокъ горькаго хлѣба, ни спокойно выпить чашу прокислаго вина, ни утолить жажду водою, взятою изъ цистерны“... Но довольно. Картина выходитъ слишкомъ грустною и безобразною для нашего времени, хотя наиболѣе возмутительныя ея части мы оставили у историка, къ которому и адресуемъ читателей, снабженныхъ крѣпкими нервами [1]). Если бы за всѣ эти злодѣянія злостные служители папской тиранніи по крайней мѣрѣ подверглись заслуженному порицанію отъ своего владыки, то можно было бы еще всѣ эти безобразія отнести на счетъ непосредственныхъ виновниковъ; но весь видъ дѣла измѣняется, когда мы знаемъ, что римскій первосвященникъ не только не порицалъ дѣйствій безобразниковъ, но и одобрялъ и благословлялъ ихъ, и особенно послѣ того, какъ византійское войско выгнало латинскихъ солдатъ изъ Солуня.

---

[1]) Незнающимъ греческаго языка рекомендуемъ русскій переводъ Исторіи Никиты Хоніата, изъ которой заимствованы вышеприведенныя мѣста, изданный при нашей академіи въ 1860 (т. I) и 1862 годахъ (т. II). *Перев.*

Подобную же враждебность и притомъ открыто и непосредственно обнаружила латинская церковь къ представителямъ греческой церкви послѣ завоеванія Ричардомъ Львиное Сердце несчастнаго Кипра въ 1192 г. Оставляя въ сторонѣ греческихъ историковъ, которые пожалуй могутъ быть заподозрѣны въ преувеличеніяхъ, обратимся къ латинскимъ, которые конечно стоятъ выше подобныхъ подозрѣній. Для этой цѣли мы избираемъ описаніе истязаній и злодѣйствъ, совершенныхъ представителями латинскаго духовенства, появившагося на островѣ вслѣдъ за свирѣпыми завоевателями, надъ представителями туземнаго греческаго духовенства, изданное однимъ писателемъ-папистомъ за два вѣка тому назадъ. „Латиняне, говоритъ анонимный историкъ, съ царствованія Мануила Комнина (1170) до царствованія никейскаго императора Іоанна Ватацы (1240) съ неистовствомъ занимались разрушеніемъ городовъ и крѣпостей, принадлежавшихъ грекамъ; при этомъ изгоняли православныхъ греческихъ архіереевъ, а вмѣсто нихъ ставили латинянъ, исповѣдывавшихъ папскій догматъ, въ Константинополѣ, Кипрѣ, Антіохіи и другихъ странахъ, ими завоеванныхъ. Но этимъ однакожъ не ограничивались, а вынуждали силою священниковъ, монаховъ и простой народъ принимать этихъ вновь поставленныхъ для нихъ пастырей и поминать ихъ при священнодѣйствіяхъ. Съ соглашавшимися на ихъ требованія обращались любезно, какъ съ друзьями, а сопротивлявшихся и отвергавшихъ ихъ догматъ подвергали тяжкимъ наказаніямъ и заставляли ихъ дѣлаться мучениками за вѣру, точь въ точь какъ это было при римскихъ императорахъ, преслѣдовавшихъ древнихъ христіанъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ исторія кипрскихъ мучениковъ. Одни изъ нихъ, не пожелавшіе вступить въ церковное общеніе съ латинскими священниками, были заключены въ темницы, гдѣ въ теченіе трехъ лѣтъ подвергались всевозможнымъ истязаніямъ. А поелику они и на словахъ не хотѣли исповѣдать покорности папѣ, то однихъ изъ нихъ убивали, привязавши къ хвостамъ лошадей и гоняя ихъ по неровной, тернистой и каменистой мѣстности, другихъ, именно

пользовавшихся особенной извѣстностью и уваженіемъ за свое благочестіе и учоность, сожигали на кострахъ. Одинъ изъ этихъ послѣднихъ, именно игуменъ Іоаннъ, долго былъ видѣнъ среди огня молящимся. Это взбѣсило одного изъ находившихся тутъ латинскихъ рыцарей; онъ бросилъ въ святаго страдальца дротикъ и убилъ его. Но этого еще показалось мало мучителямъ. Когда костеръ погасъ, они собрали кости мучениковъ и смѣшавши ихъ съ костями нечистыхъ животныхъ, бросили ихъ на новый костеръ и превратили въ пепелъ".

Такова была тогда политика западной Европы, раболѣпствовавшей предъ мановеніями римской церкви. Одинъ лишь востокъ не подчинялся папской тираніи. Тщетно папа истязалъ православныхъ солунцевъ, тщетно воспламенялъ костры на многострадальномъ Кипрѣ. Потомъ впрочемъ обстоятельства сложились болѣе благопріятно для его видовъ. Алексѣй Комнинъ младшій [1]), похитивши императорскій престолъ, лишилъ власти императора Исаака Комнина въ 1195 г., равно какъ и сына Исаакова Алексѣя права престолонаслѣдія. Этотъ послѣдній бѣжалъ прямо въ Римъ и обратился съ просьбою о покровительствѣ къ папѣ Иннокентію, который поручилъ крестоносцамъ, приготовлявшимся тогда къ отправкѣ въ Палестину для освобожденія святой земли изъ подъ власти мусульманъ, отправиться сначала въ Византію и посадить на престолъ Исаака, отца Алексѣева. Коварный Иннокентій, дѣйствуя діаметрально противоположно своему имени (innocens — невинный), заключилъ съ прибѣгшимъ къ нему Алексѣемъ такой унизительный для послѣдняго договоръ, какого никто никогда изъ государей не заключалъ. „Алексѣй, говоритъ цитованный нами выше историкъ Никита, обѣщалъ не только дать крестоносцамъ цѣлый океанъ денегъ, но и отправиться вмѣстѣ съ ними на войну противъ са-

---

[1]) Родовая фамилія Алексѣя была *Ангелъ*; но онъ, находя ее слишкомъ скромною для себя, произвольно замѣнилъ ее болѣе громкою фамиліей *Комнина*. Братъ же его Исаакъ, котораго нашъ авторъ называетъ тоже Комнинымъ, никогда не носилъ этой фамиліи, а оставался при родовой фамиліи Ангела. *Перев.*

рациновъ съ ромейскими пѣхотными войсками и пятидесятью трехгребными кораблями. Мало того,—что особенно важно и особенно нелѣпо,—онъ обѣщалъ принять латинскія уклоненія въ вѣрѣ, признать всѣ папскія преимущества и неразрывно съ этимъ отмѣнить и измѣнить древніе ромейскіе обычаи". Крестоносцы, отплывши къ Константинополю, осадили этотъ городъ, вынудили похитителя престола, Алексѣя, отказаться отъ престола и возвели на оный Исаака, хотя онъ былъ уже слѣпъ [1]). Но Исаакъ не въ состояніи былъ исполнить всѣхъ обѣщаній своего сына Алексѣя, по недостатку денегъ, хотя не только обложилъ народъ новыми налогами, но и обобралъ изъ церквей всѣ золотые и серебряные сосуды и украшенія. Народъ возмутился, низложилъ и Исаака и Алексѣя, возвелъ на престолъ сначала одного, потомъ другого императора [2]), крича, что не хочетъ знать обѣщаній Алексѣя. Послѣ этого крестоносцы вступили въ Константинополь и овладѣли имъ. И такимъ образомъ подчиненіе греческой церкви папѣ совершено было силою оружія.

„Увы! восклицаетъ Никита, собственными своими глазами видѣвшій возмутительныя сцены, послѣдовавшія за взятіемъ Константинополя крестоносцами, вотъ безчестно повержены достопокланяемыя иконы! Вотъ разметаны по нечистымъ мѣстамъ останки мучениковъ, пострадавшихъ за Христа! О чемъ и слышать страшно,—можно было видѣть тогда, какъ божественное тѣло и кровь Христовы повергались и проливались на землю. Расхищая драгоцѣнныя вмѣстилища ихъ, латиняне одни изъ нихъ разбивали, пряча за пазуху бывшія на нихъ украшенія, а другія обращали въ обыкновенное употребленіе за своимъ столомъ вмѣсто корзинокъ для

---

[1]) Онъ былъ ослѣпленъ своимъ братомъ сряду же по низложеніи съ престола. Кстати замѣтимъ, что Алексѣй Ангелъ (Комнинъ) никогда не отказывался отъ престола; онъ позорно бѣжалъ въ самомъ началѣ первой осады Константинополя крестоносцами и потомъ, когда его зятю Ѳеодору Ласкарису удалось сдѣлаться императоромъ въ Никеѣ, не разъ интриговалъ противъ него, съ цѣлію отнять у него корону, хотя пользовался его гостепріимствомъ. *Перев.*

[2]) Сначала былъ избранъ Канавосъ, а потомъ Алексѣй Дука Мурцуфлъ. *Перев.*

хлѣба и кубковъ для вина, какъ истинные предтечи антихриста, или предшественники и провозвѣстники его дѣяній. О нечестіяхъ, совершенныхъ тогда въ великой церкви, тяжело даже разсказывать! Жертвенная трапеза, составленная изъ разныхъ драгоцѣнныхъ веществъ, сплавленныхъ посредствомъ огня и размѣщенныхъ между собою такъ, что всѣ они искуснымъ подборомъ своихъ самородныхъ цвѣтовъ представляли верхъ совершеннѣйшей красоты, неоцѣнимой ни чѣмъ и достойной по своей художественности удивленія всѣхъ народовъ, была разбита на части и раздѣлена грабителями наравнѣ со всѣмъ другимъ церковнымъ имуществомъ, огромнымъ по количеству и безпримѣрнымъ по изящности... Вотъ какая-то непотребная женщина, преисполненная грѣхами, жрица нечестія, дьявольская слуга, гудокъ неприличныхъ, соблазнительныхъ и срамныхъ напѣвовъ, хулительница Христова, усѣлась на сопрестоліи, распѣвая свою визгливую мелодію, и потомъ бросилась въ пляску, быстро кружась и потрясая ногою!... Предаваясь до такой степени неистовству противъ всего священнаго, латиняне конечно уже не щадили честныхъ женщинъ и дѣвицъ, ожидавшихъ брака, или посвятившихъ себя Богу и избравшихъ дѣвство... На улицахъ плачь, вопли и сѣтованія; на перекресткахъ рыданія; во храмахъ жалобные стоны; мужья изнываютъ отъ горя; жены кричатъ,—ихъ тащатъ, порабощаютъ, отрываютъ отъ тѣхъ, съ кѣмъ онѣ прежде были соединены тѣлесно, и насилуютъ! Знатные родомъ бродили опозоренными, почтенные старцы плачущими, богатые нищими"...

Послѣ избранія въ константинопольскіе императоры француза Балдуина, а въ патріархи венеціянца Ѳомы Морозини, Иннокентій III прислалъ на востокъ легатомъ нѣкоего архіерея по имени Пелагія, который сряду же открылъ жестокое гоненіе на православныхъ грековъ, принуждая ихъ признать своимъ началовождемъ римскаго первосвященника, сопротивлявшихся ему монаховъ и священниковъ заключая въ узы и осуждая на заключеніе, а храмы закрывая. Современный всѣмъ этимъ событіямъ византійскій историкъ Георгій Акрополитъ говоритъ, что каждому греку предстояла тогда труд-

ная дилемма—или признать папу верховнымъ первосвященникомъ и поминать его при священнодѣйствiяхъ, или принять смерть какъ наказанiе за непослушанiе папѣ. Впрочемъ едва прошло лишь тридцать лѣтъ, какъ имперiя, основанная греками въ Никеѣ, начала расширяться и процвѣтать, между тѣмъ какъ латинское царство въ Константинополѣ, подъ ударами никейскаго императора Іоанна Ватацц, начало ослабѣвать и разрушаться. Тогда и императоръ Іоаннъ обнаружилъ желанiе устроить соглашенiе и возсоединенiе съ римскою церковiю и папа Григорiй IX, увидѣвши, что только путемъ возсоединенiя можно примирить обѣ имперiи, пожелалъ поддержать франкскую имперiю, которую Римъ любилъ, какъ свое дѣтище. Попытка была сдѣлана въ 1233 г., но не имѣла успѣха, потому что ни та ни другая церковь не хотѣла поступиться не только ни однимъ догматомъ, но и ни однимъ обычаемъ. Впрочемъ она была возобновлена въ 1250 г. Иннокентiемъ IV, но и опять неудачно. Между тѣмъ въ 1261 г. императоръ никейскiй Михаилъ Палеологъ прекратилъ существованiе франкской имперiи въ Константинополѣ и папа увидѣлъ, что этотъ передовой боецъ римскаго религiознаго прозелитизма на востокѣ палъ. Правда, осталось еще нѣсколько мелкихъ и жалкихъ латинскихъ владѣнiй на востокѣ, которыя пробовали примѣнить къ восточной церкви программу, начертанную легатомъ Пелагiемъ. Таковы были латинскiя королевства и княжества въ Кампанiи, Аѳинахъ, Закинѳѣ, Критѣ, Наксосѣ, Андросѣ, Хiосѣ, Митиленѣ, Кипрѣ. Во всѣхъ этихъ латинскихъ владѣнiяхъ греки терпѣли невѣроятныя напасти. Единственными ихъ утѣшителями и предстателями были ихъ священники и архiереи, но и тѣхъ, на ихъ глазахъ, бросали въ темницы, били, отрѣшали отъ должности, замѣняя ихъ латинскими священниками и архiереями, требовавшими безусловнаго повиновенiя папѣ. Еще въ началѣ XV в., когда дѣла Европы были крайне запутаны, православные греки, жители острова Крита, томясь подъ ярмомъ папскихъ легатовъ, явно обнаружили, что предпочитаютъ турецкое завоеванiе венецiанскому управленiю. Что же касается

православныхъ церквей, то во всѣхъ латинскихъ владѣніяхъ на востокѣ безъ исключенія онѣ съ величайшей готовностью подчиняли свое православное стадо подъ власть мусульманской имперіи въ Стамбулѣ, потому что, — нужно откровенно сознаться въ этомъ, — оттоманское правительство никогда не осуждало на смерть ни одного архіерея или священника, въ политической благонадежности котораго было увѣрено, и никогда не обнаруживало коварной наглости Иннокентія III, т. е. не вступало въ договоръ съ греческими христіанами на условіи отреченія ихъ отъ своей вѣры и принятія исламизма. Этимъ объясняется готовность, съ какою православные греки, находившіеся подъ тиранніей венеціянцевъ и другихъ франкскихъ князей, открывали ворота городовъ турецкимъ завоевателямъ.

Разрушеніе латинской имперіи въ Константинополѣ было тяжкимъ ударомъ для самолюбія и честолюбія римскихъ первосвященниковъ. Они положительно были взбѣшены тѣмъ, что добыча, которую съ такими усиліями прибирали къ своимъ рукамъ, вдругъ ускользнула отъ нихъ, и начали приготовлять новый крестовый походъ на западѣ не для освобожденія Іерусалима, какъ это было прежде, а для изгнанія изъ Константинополя греческихъ властей и для возстановленія вновь латинскаго трона, который съ такими трудами и усиліями удалось было имъ основать. Къ усиліямъ папъ присоединилъ свои усилія и итальянскій король Карлъ [1]), которому послѣдній латинскій императоръ Византіи Балдуинъ II продалъ свои наслѣдственныя права на тронъ Палеологовъ. Императоръ Михаилъ Палеологъ, желая во что-бы то ни стало отвратить бурю, которую подготовляла римская курія, завязалъ переговоры съ нею о возсоединеніи церквей съ цѣлію выиграть время, пока ему удастся вовлечь венеціянскую республику въ войну противъ Карла итальянскаго. Папа Григорій X, понимая это, потребовалъ, чтобы греческая церковь подписала исповѣданіе вѣры, которое съ этою цѣлію было прислано изъ Рима въ Константинополь. Подпись эта дол-

---

[1]) Собственно король Сицилійскій Карлъ Анжуйскій. *Перев.*

жна была служить доказательствомъ искренности возсоединенія. Императоръ Михаилъ согласился на это и началъ съ того, что бросилъ въ темницу наиболѣе образованныхъ изъ клириковъ и мірянъ, которые защищали письменно прародительскіе догматы, и затѣмъ послалъ въ Римъ пословъ, которые приняли римскіе догматы отъ имени императора и греческой церкви.

Съ этого времени сталъ властвовать надъ восточною церковію римскій папа; Михаилъ Палеологъ былъ лишь простымъ исполнителемъ его жестокостей и тиранническихъ распоряженій. Ни патріархъ Іосифъ не могъ избѣжать изгнанія, ни сестра императора Евлогія по той простой причинѣ, что не была сестрою папы. Греческіе историки съ величайшимъ ужасомъ разсказываютъ о жестокостяхъ Михаила, которыя мы впрочемъ приписываемъ не столько ему, сколько Риму, который, несмотря на то, что училъ другихъ евангельскимъ истинамъ и христіанской цивилизаціи, велъ себя во всѣхъ отношеніяхъ гораздо хуже турокъ, невѣрившихъ въ евангеліе. Вотъ нѣсколько образчиковъ жестокостей Михаила Палеолога, совершенныхъ имъ по внушенію Рима. „Онъ, разсказываетъ современный историкъ Пахимеръ, велѣлъ надѣть на шею длинныя веревки сперва великому ритору Мануилу Словачу, за нимъ второму—Іаситу Мелію [1]) и такъ далѣе подъ рядъ до десяти человѣкъ, а на концѣ всѣхъ—племянницѣ его, какъ будто за чародѣйство; потомъ первыхъ двухъ велѣлъ обвѣшать овечьими внутренностями со всѣми находившимися въ нихъ нечистотами, — за то, будто они непокорны царю, а ритора сверхъ того приказалъ постоянно бить по устамъ овечьими печенями, и въ такой торжественной процессіи водить ихъ по всему городу, около же церкви подвергать ихъ еще большему безчестію, угрожая чрезъ это духовнымъ лицамъ и наводя на нихъ страхъ“... „Однихъ сослали на Лемносъ, другихъ на Скиросъ, иныхъ на Косъ, а нѣкоторыхъ въ

---

[1]) Это былъ крестовый монахъ и любимецъ низложеннаго патріарха Іосифа. *Перев.*

городъ Никею"... „Двоихъ родныхъ братьевъ Мануила и Исаака, приходившихся въ родствѣ ему, ослѣпилъ и вообще обращался съ своими единоплеменниками греками такъ, какъ могъ бы обращаться съ ними самъ римскій папа" [1]). Особенную жестокость выказалъ онъ въ попыткахъ принудить аѳонскихъ монаховъ къ принятію уніи. На Аѳонъ императоръ отправился вмѣстѣ съ единомысленнымъ себѣ патріархомъ и, посѣтивши лавру, гдѣ былъ оказанъ ему сердечный и предупредительный пріемъ, онъ отправился за тѣмъ въ Иверскій монастырь, монахи котораго отказались имѣть церковное общеніе съ нимъ и его патріархомъ; вслѣдствіе этого Михаилъ тѣхъ изъ нихъ, которые были родомъ изъ Иверіи, отправилъ въ Италію, а грековъ приказалъ всѣхъ посадить на судно, вывести въ море и оставить на жертву волнамъ, просверливши напередъ судно въ разныхъ мѣстахъ. Наиболѣе выдающихся монаховъ Ватопедскаго монастыря велѣлъ повѣсить, раззоривши самый монастырь. Та же участь постигла раньше и Иверскій. Но особенно жестоко и безчеловѣчно поступилъ онъ съ болгарскимъ монастыремъ Зографа. Подвизавшіеся въ немъ иноки въ количествѣ двадцати шести, не желая вступать въ церковное общеніе съ царемъ и патріархомъ и опасаясь насилій съ ихъ стороны, заперлись въ монастырской башнѣ и оттуда повели съ ними переговоры. Такъ какъ ни царя не желали они принять въ свой монастырь, ни сами не выходили изъ своего убѣжища, то Михаилъ приказалъ обложить башню со всѣхъ сторонъ хворостомъ и другими легковоспламеняющимися веществами и сжечь ихъ всѣхъ живыми. Многіе мо-

---

[1]) Въ дѣйствительности Михаилъ Палеологъ въ своихъ жестокостяхъ зашелъ дальше, чѣмъ это требовалось политикой Рима, какъ это видно изъ исторіи епископовъ Мелетія и Игнатія, отправленныхъ имъ въ Римъ на гнѣвъ и милость папы за сопротивленіе уніи: «папа, свидѣтельствуетъ Пахимеръ, не только не думалъ наказывать обвиненныхъ, а еще пожалѣлъ объ нихъ, *боясь какъ-бы это не послужило препятствіемъ къ примиренію великихъ церквей*; потому весьма благосклонно отпустилъ ихъ назадъ къ царю и даже писалъ, чтобы царь относительно этихъ людей не безпокоился и обращался съ ними ласково и благосклонно» (Пахим., по русскому переводу стр. 426—427). *Перев.*

нахи были изрублены мечами. Совершивши этотъ подвигъ, царь и патріархъ съ торжествомъ возвратились въ Константинополь [1]). Но всѣ эти кровавыя жертвы принесены были напрасно. Черезъ годъ или черезъ два послѣ этого Михаилъ Палеологъ скончался, анаѳематствованный незадолго предъ тѣмъ папою за то, что принялъ унію лишь на словахъ, а не на самомъ дѣлѣ. Но со смертію Палеолога смуты въ восточной церкви не прекратились.

Исторія упоминаетъ еще объ одной попыткѣ къ возсоединенію церквей, которую сдѣлалъ папа Іоаннъ XXII въ 1334 г. у императора Андроника Палеолога младшаго,—попыткѣ, кончившейся тоже неудачно. Всѣ же остальныя попытки въ этомъ направленіи были дѣлаемы уже самими византійскими императорами [2]), но мы не останавливаемся на нихъ, потому что, хотя онѣ и оканчивались неудачами, но постоянно сопровождались для православныхъ грековъ тѣми же послѣдствіями, какими и всѣ предшествовавшія тоже неудачныя попытки, т. е. ссылками, тюремными заключеніями и смертными казнями. Остановимся лишь на послѣдней попыткѣ къ порабощенію греческой церкви, сдѣланной римскою церковію на Флорентійскомъ соборѣ.

Исторіи этого собора мы излагать не будемъ. По всей вѣро-

---

[1]) О поѣздкѣ Михаила Палеолога съ Іоанномъ Веккомъ на Аѳонъ и о жестокой расправѣ съ тамошними противниками уніи сохранились извѣстія лишь въ Аѳонскомъ патерикѣ. Современные византійскіе историки не упоминаютъ объ этомъ. Самъ по себѣ фактъ поѣздки съ цѣлію лично повліять на подвижниковъ св. горы въ благопріятномъ для уніи смыслѣ не представляетъ ничего невѣроятнаго; прецедентомъ для него могла служить подобная же поѣздка патріарха Іосифа въ 1267 или 1268 г. въ восточные (преимущественно въ Виѳинскіе) монастыри съ цѣлію личнымъ вліяніемъ парализовать здѣсь успѣхи Арсеніевскаго раскола; но такъ какъ въ изложеніи патерика не мало встрѣчается хронологическихъ и фактическихъ несообразностей, то оно и не можетъ быть принято за достовѣрное во всѣхъ подробностяхъ. *Перев.*

[2]) И эта попытка, равно какъ и большая часть предъидущихъ и всѣ безъ исключенія послѣдующія, сдѣлана была не Іоанномъ XXII, а Андроникомъ Палеологомъ младшимъ чрезъ извѣстнаго Варлаама Калабрійскаго, по той простой причинѣ, что въ это время, какъ и потомъ, не папы нуждались въ императорахъ, а императоры въ папахъ. *Перев.*

ятности наши читатели знаютъ, что императоръ Іоаннъ Палеологъ созвалъ этотъ соборъ и пытался при помощи его подчинить восточную церковь латинской потому, что надѣялся задобрить папу и побудить его предпринять крестовый походъ для поддержанія византійской имперіи противъ турокъ; и потому довольно замѣтить, что ватиканскій дворъ не останавливался ни предъ какими средствами, какъ бы они суровы и неблаговидны ни были, чтобы принудить греческихъ епископовъ, прибывшихъ на соборъ, къ принятію догматовъ римской церкви: давленіе на ихъ волю онъ простиралъ до того, что лишалъ греческихъ епископовъ самаго необходимаго для ихъ жизни, отказывалъ имъ въ выдачѣ обѣщанной имъ субсидіи на ихъ содержаніе во время пребыванія въ Италіи, грозилъ, что не дастъ имъ кораблей для возвращенія въ Константинополь. Благодаря этимъ средствамъ, ему дѣйствительно удалось заставить греческихъ архіереевъ и русскаго митрополита Исидора принять унію, но императоръ Іоаннъ Палеологъ увидѣлъ, что онъ жестоко обманулся въ своихъ разсчетахъ на обѣщанную папою помощь. Не смотря на заключеніе уніи, папа ни войска ему не посылалъ, ни денегъ не давалъ, такъ что съ пустыми руками и печальный возвратился онъ въ столицу своего микроскопическаго царства. Понятно само собою, что онъ не привезъ съ собой ни малѣйшаго расположенія поддерживать опредѣленія Флорентійскаго собора оружіемъ, какъ Михаилъ Палеологъ, потому что не имѣлъ достаточно оружія для защиты своей имперіи отъ ея неумолимаго врага. Вслѣдствіе этого онъ спокойно относился къ обнаружившемуся въ восточной церкви движенію противъ уніи и ни мало не препятствовалъ ея епископамъ собираться на соборы и анаѳематствовать опредѣленія ненавистнаго имъ Флорентійскаго собора. Съ своей стороны и папа римскій ни тогда ни послѣ не послалъ никакой помощи византійской имперіи, несмотря на то, что города ея одинъ за другимъ переходили во власть турокъ. Уже въ послѣдніе дни ея существованія, когда турки готовились къ рѣшительной осадѣ несчастной столицы погибавшей имперіи, императоръ Константинъ

Палеологъ, обратившись къ папѣ за помощью, получилъ отъ него отвѣтъ, что для полученія этой помощи необходимо предварительно принятіе опредѣленій Флорентійскаго собора всею восточною церковію. Требованіе папы было исполнено императоромъ, но повело лишь къ тому, что православные константинопольцы раздѣлились на двѣ партіи, изъ которыхъ одна по свидѣтельству Михаила Дуки стала смотрѣть на самый храмъ св. Софіи, какъ на жилище демоновъ, послѣ того какъ папскій легатъ отслужилъ въ немъ въ послѣдніе дни литургію вмѣстѣ съ латинскими и греческими священниками и помянулъ папу.

Такимъ образомъ и въ послѣдній критическій моментъ, когда хоронили греческую имперію и свободу греко-восточной церкви, римская церковь не простерла руки помощи, а оставила эллинизмъ на произволъ судьбы. „Самое созваніе Флорентійскаго собора, говоритъ историкъ Георгій Франца, было первой и главной причиной нападенія нечестивыхъ на Константинополь и послѣдовавшей затѣмъ осады и взятія его. Таково то наше несчастіе!“ Къ счастію, въ настоящее время и европейскіе историки, освободившись нѣсколько отъ тумана, напущеннаго вѣроисповѣдной ненавистью и фанатизмомъ, сознаются, что византійская имперія и восточная церковь подпали подъ иго рабства вслѣдствіе братоненавистнаго и предательскаго поведенія запада.

Римская церковь конечно съ удовольствіемъ смотрѣла на разрушеніе свободы восточной церкви; но чрезъ нѣсколько времени,— и на этотъ разъ вѣроятно ужъ безъ большого удовольствія,—увидѣла, что турецкій султанъ гораздо лучше относится къ порабощенной церкви, чѣмъ папа, именно—что онъ предоставилъ ей свободу и во внутренней жизни и во внѣшнихъ отношеніяхъ и не сдѣлалъ ни малѣйшаго препятствія избранію въ патріархи Геннадія Схоларія, извѣстнаго между прочимъ своей ненавистью къ латинянамъ. Благодаря этой свободѣ, патріархъ Симеонъ трапезундскій въ 1484 г. имѣлъ возможность созвать большой помѣстный соборъ въ Константинополѣ для отмѣны Флорентійскаго собора. Съ

изумленіемъ увидѣлъ Римъ, что султанъ Магометъ II запретилъ смѣшанные браки между греками и латинянами, бывшіе до тѣхъ поръ обыкновеннымъ явленіемъ. Это послѣднее распоряженіе, вѣроятно, послужило ближайшимъ поводомъ къ тѣмъ интригамъ, которыя началъ римскій дворъ въ окрайнахъ восточной церкви съ цѣлію посѣять въ ней смуту. Такъ напр. въ началѣ XVII в. онъ возмутилъ спокойствіе православной церкви монемвасійской тѣмъ, что учоный грекъ Арсеній Апостолидъ, при содѣйствіи папы, изгналъ православнаго митрополита Монемвасійскаго и, хотя самъ принадлежалъ къ партіи латиномудрствующихъ, былъ однакожъ рукоположенъ на его мѣсто въ пастыри православнаго стада епископомъ Реондосомъ (Reondos), розыгравшимъ при этомъ роль патріарха, при двухъ епископахъ ассистентахъ, представлявшихъ собою сослужащихъ митрополитовъ. Патріархъ Пахомій лишилъ этого псевдомитрополита Монемвасійскаго сана; но римская церковь приняла его подъ свою защиту. А такъ какъ Монемвасія принадлежала тогда не турецкой имперіи, а венеціянской республикѣ, то естественно нашлись въ ней и сторонники патріарха и сторонники папы, и въ результатѣ получился весьма соблазнительпый расколъ, причинившій много заботъ и огорченій и константинопольской церкви.

Но еще большія заботы и огорченія готовились самой римской церкви. Въ это именно время выступилъ со своимъ ученіемъ Мартинъ Лютеръ. Этотъ простой монахъ, незадолго предъ тѣмъ съ благоговѣніемъ лобызавшій ноги св. отца, основалъ новое церковное общество, къ которому стали присоединяться тысячами бывшіе послѣдователи Рима. Такъ какъ это новое общество отвлекло на время вниманіе папства отъ восточной церкви и вообще начинаетъ собою новую эпоху въ его исторіи, то мы прежде чѣмъ перейти къ очерку отношеній, установившихся между греческой и латинской церквами съ этого времени, оглянемся еще разъ на разсмотрѣнный нами періодъ.

Читатель навѣрное согласится съ нами, что въ теченіе всего

этого періода западная церковь съ усердіемъ и послѣдовательностью, достойными лучшаго примѣненія, трудилась надъ униженіемъ греко-россійской церкви, надъ разрушеніемъ ея свободы и независимости. И когда эта свобода съ паденіемъ Константинополя была по видимому убита, то сердобольная западная сестрица стала съ такимъ же усердіемъ изготовлять саванъ, чтобы похоронить ее безвозвратно. Но, благодареніе Богу, ошиблась въ своихъ разсчетахъ!

III.

Утѣшительный примѣръ братской любви и уваженія во все продолженіе разсмотрѣннаго нами періода представляютъ намъ отношенія греческой церкви къ русской, которая была административно соединена съ нею. Отношенія эти начинаются съ того времени, какъ великая княгиня Ольга приняла христіанство и передала его Россіи, хотя и раньше ея, именно въ 866 г., два русскихъ вождя Аскольдъ и Диръ уже приняли святое крещеніе въ Константинополѣ. Исторія русской церкви въ собственномъ смыслѣ этого слова вспоминаетъ съ благоговѣніемъ имя Владиміра, который занимаетъ въ ней то же самое мѣсто, какое въ восточной Константинъ Великій. Но и греческая церковь чтитъ память этого равно-апостольнаго князя, оказывавшаго ей истинно сыновнюю любовь и уваженіе. Такъ, изъ исторіи мы знаемъ, что, желая уничтожить въ Россіи идолослуженіе, онъ отправилъ благоразумныхъ мужей въ Римъ и Константинополь, чтобы они посмотрѣли на мѣстѣ религіозные обряды той и другой страны и по возвращеніи сообщили бы ему, которые изъ этихъ обрядовъ были бы предпочтительнѣе для Россіи. Посланные возвратились въ Россію преисполненные благоговѣнія и удивленія къ обрядамъ греческой церкви и вслѣдствіе этого великій князь отправилъ въ Константинополь требованіе о присылкѣ священниковъ и архіерея. По другому преданію, миссіонеры Рима и Византіи сами обратились къ Владиміру съ предложеніемъ каждый своей вѣры, но великій князь предпочелъ

вѣру греко-восточной церкви и, прибывши въ Херсонесъ, принялъ здѣсь крещеніе, будучи оглашенъ въ вѣрѣ во Христа епископомъ того города Василіемъ. Городъ этотъ, принадлежавшій Византійской имперіи, былъ незадолго предъ тѣмъ отнятъ у нея Владиміромъ.

Если читатель припомнитъ все то зло, которое сдѣлали франки, по внушенію папъ овладѣвшіе Константинополемъ, Солунью, Кипромъ и пр., то этотъ эпизодъ изъ жизни св. Владиміра даетъ намъ прекрасный случай оцѣнить, какъ должно, благоговѣніе и любовь, которыя питали къ греческой церкви и къ греческой имперіи русскіе государи. Дѣло въ томъ, что Владиміръ сряду же послѣ крещенія возвратилъ завоеванный имъ Корсунь Византіи. Уваженіе свое къ греческой церкви Россія перенесла и на греческую націю. Съ этихъ поръ послѣдняя дѣлается какъ бы родной сестрой для нея. Къ просьбамъ и увѣщаніямъ этой старшей сестры своей она прислушивалась всегда съ полнымъ вниманіемъ и съ такою же готовностью спѣшила исполнять ихъ. Изъ множества примѣровъ приведемъ одинъ. Римская церковь, узнавши о ревности Владиміра къ христіанству, отправила къ нему пословъ съ цѣлію завязать сношенія съ русской державой, а чрезъ нее и съ русскою церковію, въ видахъ привлечь ту и другую въ ограду Петрову. Послы папы, принесшіе съ собою цѣнные дары, были приняты съ честію какъ великимъ княземъ, такъ и митрополитомъ Михаиломъ, которые въ свою очередь отправили въ Римъ посольство отъ себя. Узнавши объ этомъ, вселенскій патріархъ послалъ и къ Владиміру и къ митрополиту грамоту, въ которой упрекаетъ ихъ за эти сношенія, внушаетъ имъ не имѣть никакого отношенія къ римской церкви и подробно излагаетъ разности въ догматахъ и обычаяхъ, существовавшія уже въ то время между обѣими церквами. Русская церковь послушалась. Подобное же послушаніе своей матери константинопольской церкви оказывали нерѣдко и другія славянскія племена. Они изъявляли даже готовность пожертвовать своими матеріальными интересами для сохраненія и укрѣпленія общихъ духов-

ныхъ интересовъ. Кому изъ славянъ и грековъ неизвѣстенъ поучительный примѣръ, поданный болгарскимъ царемъ Симеономъ во время малолѣтства Константина Порфиророднаго при патріархѣ Николаѣ Мистикѣ? Къ несчастію, современные намъ греки и болгары повидимому забыли этотъ высокій примѣръ; а то безъ сомнѣнія устыдились бы за свои мелочныя и эгоистическія претензіи другъ къ другу.

Но изъ всѣхъ славянскихъ церквей наибольшую твердость и постоянство любви къ своей духовной матери и воспитательницѣ, церкви константинопольской, отъ начала и до конца постоянно и неизмѣнно обнаруживала русская церковь. Такъ, достойный сынъ равноапостольнаго Ярославъ I, неуклонно слѣдуя по стопамъ своего родителя, продолжалъ пересаживать на русскую почву формы не только церковной, но и вообще культурной жизни Византіи: приказалъ перевести на русскій языкъ многія какъ богослужебныя, такъ и богословскія греческія книги, вводилъ греческіе уставы монашеской жизни и—что особенно важно—ввелъ въ русскія школы преподаваніе греческаго языка. Связь, установлявшаяся между обѣими церквами этимъ путемъ, оказалась на первыхъ же порахъ столь прочною, что всѣ усилія папъ поколебать ее оказались тщетными. Изъ русской исторіи мы знаемъ, что въ 1252 г. папа Иннокентій IV посылалъ къ великому князю Александру Невскому двухъ пословъ съ предложеніемъ послѣдовать примѣру кіевскаго князя Даніила Романовича и принять догматы римской церкви. Моментъ для предложенія былъ выбранъ очень удачно: татары въ это время опустошали Россію и папа обѣщалъ изгнать ихъ изъ нея посредствомъ крестоваго похода. Мы видѣли выше, сколько ошибокъ и бѣдъ надѣлалъ въ подобныхъ обстоятельствахъ византійскій императоръ Михаилъ Палеологъ. Русскій великій князь оказался прозорливѣе византійскаго императора, — и себя предохранилъ отъ роковой ошибки и свой народъ отъ бѣдствій коварной уніи.

Какъ тѣсна была въ это время связь между русской и грече-

ской церквами, видно уже и изъ того, что первая не позволяла себѣ канонизовать ни одного мѣстнаго святаго—мученика, или преподобнаго, безъ вѣдома и согласія константинопольскаго патріарха, который въ свою очередь считалъ своей обязанностью сообщать предстоятелямъ русской церкви имена новоявленныхъ угодниковъ Божіихъ, прославившихся даромъ чудотвореній въ греческой церкви, для внесенія въ святцы русской. Связь эта также находила себѣ твердую поддержку и въ административномъ единеніи обѣихъ церквей.

Русская церковь, какъ извѣстно, составляла одну изъ митрополій, подчиненныхъ константинопольскому патріаршему престолу и въ ряду епархій этого престола при Львѣ Мудромъ занимала шестидесятое, а потомъ восемдесятъ первое мѣсто. Патріархъ константинопольскій присылалъ ей митрополита, который поминалъ имя патріарха при богослуженіи, какъ рукоположенный имъ. Изрѣдка впрочемъ случалось, что русскіе епископы въ исключительныхъ обстоятельствахъ рукополагали сами своего митрополита и притомъ изъ природныхъ русскихъ; такъ напр. въ XI в. былъ рукоположенъ въ митрополиты Иларіонъ, въ XII в. Климентъ (Смолятичь); но во всѣхъ подобныхъ случаяхъ патріархъ константинопольскій обыкновенно протестовалъ, усматривая въ этихъ дѣйствіяхъ нарушеніе правъ своего престола. Матеріальнымъ основаніемъ для такого протеста служило сомнѣніе въ достаточности богословской подготовки природныхъ русскихъ для занятія столь важнаго мѣста. А что сомнѣніе это не было совсѣмъ безосновательно, это доказывается низкимъ, сравнительно, уровнемъ тогдашняго церковно-богословскаго образованія на Руси вообще, и въ частности примѣромъ митрополита Зосимы при Іоаннѣ III, впадшаго въ ересь жидовствующихъ. Окончательно же рядъ митрополитовъ-грековъ, присылаемыхъ изъ Константинополя, прервался со взятіемъ этого города турками. Вслѣдствіе съ одной стороны неудобствъ имѣть дѣло съ турецкимъ правительствомъ, съ другой внутреннихъ смутъ и неурядицъ въ самой патріархіи, русская церковь съ этого времени

стала поставлять для себя своихъ митрополитовъ изъ природныхъ русскихъ, не ослабляя тѣмъ своихъ каноническихъ отношенiй къ патрiаршему престолу.

Не лишне здѣсь замѣтить, что посылаемые вселенскими патрiархами въ Россiю митрополиты принадлежали къ числу образованнѣйшихъ грековъ своего времени, обладавшихъ не только солиднымъ богословскимъ образованiемъ, но и ревностью послужить какъ церкви, въ которой имъ суждено было предстоятельствовать, такъ и своей новой родинѣ, въ которой приходилось отнынѣ жить и сложить свои кости. Они усердно подвизались не только надъ распространенiемъ и утвержденiемъ въ странѣ истинъ вѣры, но и надъ развитiемъ и укрѣпленiемъ народнаго самосознанiя, прiобрѣтавшаго особое значенiе въ тяжкую эпоху татарскаго ига (1223—1480). Хотя сами они были родомъ греки, но не отдѣляли православiя русскаго отъ православiя другихъ народовъ, какъ сдѣлали въ наши дни виновники болгарской схизмы. Православiе для нихъ было выше народности, и во имя его они служили послѣдней, а не наоборотъ. Исторiя русской церкви свидѣтельствуетъ, какое выдающееся положенiе занимали въ Россiи памятные своими заслугами не только для русской церкви, но и для русской народности митрополиты: Петръ (1308), скончавшiйся въ 1326 г., Өеогностъ, умершiй въ 1353 г., и Фотiй, оставившiй память не только просвѣщеннаго, но и мудраго пастыря. Къ числу этихъ знаменитостей должны быть причислены также митрополиты Георгiй (1065—1079), написавшiй каноническое право (?) и трактатъ противъ латинянъ, Iоаннъ II (1080), авторъ каноническихъ постановленiй, и Iоаннъ IV, рукоположенный патрiархомъ Лукой Хрисовергомъ (1164—1166), авторъ трактата противъ латинянъ [1]).

---

[1]) Считаемъ излишнимъ исправлять мелкiя фактическiя неточности относительно событiй и личностей отечественной исторiи въ родѣ сношенiй св. Владимiра съ римскимъ дворомъ, нацiональности митрополита Петра, о литературныхъ трудахъ митрополитовъ Георгiя, Iоанна II и IV и пр., весьма извинительныя подъ перомъ автора-грека, но не нуждающiяся въ помаркахъ и исправленiяхъ для русскихъ читателей. *Перев.*

Взятіе Константинополя турками прервало административную связь между греческой и русской церковью, но не прервало связи и единенія въ догматѣ и любви. Русская церковь по прежнему осталась и все время оставалась вѣрной и преданной сестрой греческой церкви, ея утѣшительницей въ скорбяхъ, помощницей въ нуждахъ, внимательной и предупредительной до самозабвенія, насколько ея сердечное участіе въ положеніи ея страждущей сестры допускалось подозрительностью и недовѣріемъ турецкаго правительства. А оно дѣйствительно весьма косо посматривало на дружескія сношенія между представителями той и другой церкви, и особенно съ тѣхъ поръ, какъ Россія дала ему почувствовать свою силу, такъ что оговоръ того или другаго греческаго патріарха, или епископа въ дружеской перепискѣ съ кѣмъ-либо изъ русскихъ угрожалъ виновному висѣлицей. Греческимъ патріархамъ позволялось, и то изрѣдка, посѣщать Россію для сбора милостыни на покрытіе нуждъ бѣдствовавшаго престола.

Подтвержденіе всему сказанному мы найдемъ при дальнѣйшемъ изложеніи отношеній греко-россійской церкви къ папской. Но прежде чѣмъ приступимъ къ этому изложенію, сдѣлаемъ очеркъ отношеній протестантской и англиканской церквей къ восточной, такъ какъ дружескія попытки ихъ завязать сношенія и установить единеніе съ восточною церковію играли весьма важную роль въ тѣхъ интригахъ, которыя римская церковь вела противъ нея въ Константинополѣ и которыя стоили ей столько слезъ и напастей.

IV.

Въ 1516 году вспыхнулъ наконецъ въ Германіи страшный пожаръ, давно уже подготовлявшійся громадными злоупотребленіями Римской церкви. Отъ времени до времени ватиканскій дворъ получалъ тяжкіе удары отъ разныхъ новыхъ ересіарховъ, которые сильно поколебали основанія, на которыхъ утверждался престолъ свѣтскаго владычества папъ. На одномъ евангеліи, хранящемся въ библіотекѣ гусситовъ въ Прагѣ, есть изображеніе, представляющее

знаменитаго ересіарха Виклефа ударяющимъ огнивомъ по камню, изъ котораго сыплются искры, подлѣ него Іоаннъ Гуссъ зажигаетъ отъ одной изъ этихъ искръ пукъ сухого хворосту, а третій—Лютеръ—этимъ хворостомъ поджигаетъ громадный лѣсъ. Изображеніе это весьма точно передаетъ дѣйствительное положеніе дѣла. Одинъ за другимъ знаменитые ересіархи западной церкви поддерживали и распространяли великій пожаръ, поставившій въ крайнее затрудненіе папство. Папскій дворъ посредствомъ разныхъ махинацій. въ которыхъ онъ едва ли имѣетъ соперниковъ, попробовалъ сначала вооружить противъ новой ереси государей, а потомъ поднялъ страшную тридцатилѣтнюю войну. Священная инквизиція оказалась не въ состояніи уничтожить протестантизмъ; не могло сдѣлать этого и полчище іезуитовъ; всего легче оказалось излить фіалъ своей ярости на беззащитную греко-россійскую церковь. къ которой стали обнаруживать тяготѣніе протестанты.

Эти новые христіане Европы оказались безъ точки опоры. До сихъ поръ центромъ для нихъ служилъ папа, а они составляли лишь периферію этого центра. Отказавшись отъ папы, они утратили свой центръ и до сихъ поръ не могутъ отыскать его.

Когда въ 1564 году константинопольскій патріархъ Іоасафъ Великолѣпный послалъ въ Виттембергъ патріаршаго архидіакона Димитрія Мисскаго для собранія свѣдѣній о положеніи новоявленнаго въ Германіи вѣроисповѣданія, протестанты увидѣли въ этомъ благопріятный случай заручиться благорасположеніемъ Константинопольской церкви и отправили къ Іоасафу свое исповѣданіе вѣры. Въ своемъ письмѣ къ патріарху они выражали свою радость о томъ, что существуютъ на востокѣ, не смотря на самыя неблагопріятныя обстоятельства, древнія апостольскія церкви, увѣряли восточную церковь въ томъ, что ученіе ихъ не имѣетъ въ виду отвергать ни священнаго писанія, ни вселенскихъ соборовъ, и что напротивъ они чтутъ эти соборы, отвергаютъ всѣ древнія ереси, равно какъ и всѣ заблужденія Римской церкви. Но Іоасафъ, потому ли что зналъ истинный духъ ученія протестантовъ или по

другой какой либо причинѣ, не призналъ за благо отвѣчать на ихъ письмо.

Протестанты однакожъ не успокоились на этомъ и въ 1573 г. снова написали къ вселенскому патріарху Іереміи II. Письма ихъ привезъ въ Константинополь посланникъ германскаго императора Максимиліана II при дворѣ султана Селима II Давидъ [1]), а передалъ Іереміи одинъ изъ образованнѣйшихъ германскихъ филеллиновъ [2]). Іеремія принялъ представителя учоныхъ протестантовъ съ величайшимъ радушіемъ и предупредительностью. И послѣ этого они снова писали патріарху, прося его разсмотрѣть догматы протестантскаго исповѣданія и отмѣтить, которые изъ нихъ противорѣчатъ ученію Восточной церкви. Въ своемъ отвѣтѣ Іеремія ограничился лишь просьбами, чтобы они не примѣшивали чуждыхъ и антидогматическихъ заблужденій къ христіанскимъ догматамъ; потомъ впрочемъ онъ заявилъ, что не одобряетъ вовсе этого новаго ученія, къ которому начинали уже склоняться нѣкоторые изъ высшихъ сановниковъ патріархіи, и особенно съ тѣхъ поръ, какъ такъ называемое Аугсбургское исповѣданіе было переведено на новогреческій языкъ извѣстнымъ греческимъ архонтомъ Михаиломъ въ Германіи Кантакузинымъ. Повидимому впрочемъ вожаки новаго возникшаго вѣроисповѣданія не останавливались и предъ подкупомъ, чтобы заинтересовать въ свою пользу нѣкоторыхъ вліятельныхъ клириковъ Константинопольской патріархіи. Изъ переписки, которою они обмѣнялись съ греческими іерархами, видно, что они вовсе не хотѣли входить въ разсужденія относительно церковнаго единенія и подчиниться результатамъ этихъ разсужденій, а просто хотѣли принудить Восточную церковь признать ихъ заблужденія и такимъ образомъ слить ее съ протестантскою. Хотя они и отпали отъ власти папъ, но въ своихъ отношеніяхъ къ Восточной церкви продолжали держаться тѣхъ же принциповъ и пріемовъ, какихъ держались и папы. Съ своей стороны Восточная церковь относилась

---

[1]) Унгнадъ.

[2]) Стефанъ Герлахъ.

къ реформаціи безъ всякихъ предубѣжденій: „уповая, говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ греческихъ учоныхъ, на чистоту своей вѣры, она равнодушно выслушала вѣсть объ этой схизмѣ, родившейся въ самыхъ нѣдрахъ Римской церкви. Узнавши же вслѣдъ затѣмъ, что лютеранство желаетъ войти съ ней въ разсужденіе о догматахъ, она приняла сдѣланное ей предложеніе и откровенно изложила свои догматы, благословила тѣхъ, которые пожелали принять эти догматы и открыла таковымъ свои объятія, какъ чадамъ возлюбленнымъ. Но весь ходъ этого дѣла, равно какъ и письма, которыя посылали въ Константинополь и въ другія мѣста протестанты, показываютъ, что на дѣлѣ они вовсе не желали единенія, котораго желала греческая церковь. Они скрывали какія-то заднія мысли, нарочито затягивали переговоры, вмѣсто того чтобы искренно совѣщаться о возсоединеніи, по крайней мѣрѣ облегчать оное, если нельзя было осуществить оное вполнѣ, и смотрѣть на греческую церковь, какъ на сестру, а не какъ на общество людей, среди которыхъ удобно пріобрѣтать себѣ прозелитовъ“.

Одинъ греческій хронографъ пишетъ, что въ 1582 году и вожди Англиканской церкви писали на Востокъ съ цѣлію завязать сношенія съ Восточной церковью, но въ своихъ письмахъ, по его словамъ, оскорбляли церковь, съ которой хотѣли войти въ сношенія. И тѣмъ не менѣе сдѣланная въ XVI вѣкѣ новая попытка къ возсоединенію показываетъ, что протестанты искали не возсоединенія, а политическаго союзничества. Это было въ то время, когда польскіе протестанты, терпѣвшіе наравнѣ съ православными гоненія отъ папскихъ миссіонеровъ и іезуитовъ, имѣли нужду въ поддержкѣ. Вслѣдствіе этого они написали константинопольскому патріарху, предлагая ему, чтобы обѣ церкви признали другъ друга сестрами и соединились для совокупной борьбы съ общимъ врагомъ. Но греческая церковь не приняла этого предложенія на томъ основаніи, что разсужденія о догматахъ и единеніи церквей должны вытекать изъ убѣжденія въ божественности догматовъ, а не изъ побужденій минуты. Въ послѣднемъ случаѣ лишь минуетъ опас-

ность, какъ искуственное зданіе единенія немедленно же и падетъ само собою. Протестанты, протягивая греческому патріарху руку дружбы, какъ они говорили, прислали ему также и исповѣданіе своей вѣры, но управлявшій тогда дѣлами великаго престола [1]), разсмотрѣвши присланныя ими писанія, написалъ имъ въ отвѣтъ, что греческая церковь отдѣляется отъ нихъ не однимъ только громаднымъ географическимъ разстояніемъ, но и догматическимъ, которое оказывается еще громаднѣе географическаго.

Поведеніе же протестантовъ и англиканъ въ дѣлѣ патріарха Кирилла Лукариса было просто гнусно. Въ то время какъ іезуиты жестоко преслѣдовали православныхъ, они стремились поработить Восточную церковь протестантизму. Кириллъ, полемизируя и борясь съ іезуитами и со всею Римскою церковью, искалъ дружбы и поддержки у протестантовъ, которые считали папу такимъ же своимъ врагомъ, какъ и православные. Но въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ протестанты заявили себя *злымъ яйцомъ злого ворона*, какъ говоритъ древняя греческая пословица: они вспомнили, что незадолго предъ тѣмъ они были членами Римской церкви, которая никогда не соглашалась оказать ни малѣйшей помощи Византійской имперіи, прежде чѣмъ не принудитъ Восточную церковь принять ея догматы. Протестанты XVI вѣка чрезъ своихъ посланниковъ въ Константинополѣ до того намагнитизовали патріарха Кирилла, что во все время его патріаршества (1621 — 1638) имѣли притязаніе навязывать ему свои мнѣнія, безстыдно разглашали повсюду, что греческая церковь протестантствуетъ. А все это отъ того, что Лукарисъ молчалъ, желая подслужиться посланникамъ протестантскихъ государей, отъ которыхъ надѣялся получить себѣ поддержку. Дѣло дошло до того, что кальвинисты дерзнули напечатать исповѣданіе своей вѣры подъ видомъ исповѣданія Восточной церкви и это несчастное исповѣданіе столько же причинило ей напастей, сколько и бѣшенство іезуитовъ. Тогда Восточная цер-

[1]) Мелетій Пигасъ, патріархъ александрійскій.

ковь, желая смыть грязь, которою въ нее бросили, созвала одинъ за другимъ три большихъ помѣстныхъ собора, которые по количеству присутствовавшихъ на нихъ архіереевъ и патріарховъ и по своимъ догматическимъ опредѣленіямъ напоминаютъ древніе вселенскіе соборы. Кто возьметъ на себя трудъ перелистовать хроники греческой, румынской и русской церквей, тотъ увидитъ, что протестанты внесли неописанную смуту во всю Восточную церковь, распространяя повсюду свое заблужденіе подъ видомъ ученія Восточной церкви. Самое же худшее состояло въ томъ, что они нисколько не помогли ей, отдавши ее на жертву бѣшенства и звѣрскаго мщенія ватиканскаго двора.

XVII вѣкъ упоминаетъ еще объ одной попыткѣ Англиканской церкви къ соглашенію съ Греко-Россійскою, которая, отвѣчая ей, отправила вмѣстѣ съ тѣмъ и изложеніе своего ученія. Но отвѣта не послѣдовало и такимъ образомъ и эта попытка англиканъ осталась безъ послѣдствій и не столько по неподатливости Восточной церкви, сколько по упорству Англиканской, ни за что не хотѣвшей допустить и мысли о какой либо неточности или погрѣшностяхъ въ своемъ ученіи. Греческая церковь въ интересѣ единенія всегда готова была сдѣлать тѣ или другія уступки. Такъ наприм. константинопольскій патріархъ Кипріанъ высказалъ мнѣніе, что лютеране и кальвинисты, присоединяющіеся къ православной церкви, могутъ быть принимаемы посредствомъ мѵропомазанія. Это же мнѣніе выразилъ чрезъ десять лѣтъ послѣ Кипріана преемникъ его Іеремія III въ письмѣ къ Петру I (1718 г.). Въ сношеніяхъ своихъ съ англиканами Греко-Россійская церковь также сдѣлала довольно уступокъ, такъ что если бы англикане съ своей стороны отвѣтили ей такою же искренностью, то соединеніе этихъ двухъ церквей, можетъ быть, и дѣйствительно совершилось бы, но оказалось, что всѣ эти новые и старые христіане западной Европы стремились лишь ставить въ затруднительное положеніе Восточную церковь; вслѣдствіе этого, когда не много спустя, именно въ 1734 г., англикане сдѣлали новый шагъ къ сближенію, написавши снова къ

восточнымъ патріархамъ о возсоединеніи церквей, то православные греческіе архіереи отвѣтили, что это возсоединеніе возможно лишь подъ условіемъ принятія англиканами догматовъ Восточной церкви.

Съ этого времени не упоминается уже ни о какихъ попыткахъ къ возсоединенію до самаго текущаго столѣтія, когда появленіе протестантскихъ миссіонеровъ на востокѣ поставило протестантизмъ во враждебныя отношенія къ Греко-Россійской церкви. Правда, въ началѣ протестанты распускали слухъ, что цѣль поселенія ихъ въ городахъ востока состоитъ въ открытіи школъ и даровой раздачѣ библій и другихъ религіозныхъ книгъ въ видахъ распространенія просвѣщенія на востокѣ. Постепенно стали они переводить священное писаніе на разговорный греческій языкъ, между тѣмъ какъ Константинопольская церковь еще въ XVII в. запретила переводить библію на простонародный языкъ; заручились даже для этого перевода позволеніемъ патріарха Григорія V. Но потомъ, когда открылась истинная цѣль этого перевода, когда посредствомъ его протестантскіе миссіонеры стали практиковать самый необузданный и наглый прозелитизмъ въ массахъ православнаго населенія на востокѣ, то патріархъ Григорій VI нашелся вынужденнымъ анаѳематствовать и англиканскія библіи и даровое ученіе, распространяемое на востокѣ протестантскими миссіонерами. Приведенная въ ярость такимъ распоряженіемъ Григорія Англиканская церковь подготовила его низложеніе (въ 1841 г.), точь въ точь какъ въ былое время католическая церковь подготовляла незаконныя низложенія неудобныхъ для нея патріарховъ.

Переходимъ къ настоящему времени. Каковы теперь отношенія протестантовъ къ Восточной церкви? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служатъ пять храмовъ, выстроенныхъ англиканами въ окрестностяхъ Бруссы и триста греческихъ семействъ, вынужденныхъ искать покровительства англиканскаго миссіонерскаго стана въ Сенъ-Карахиссарѣ близъ Севастіи и, можетъ быть, перспектива обращенія всего востока въ англиканство. Что то подумываютъ теперь греческіе патріоты объ этихъ успѣхахъ англиканства на исконной почвѣ

эллинизма?.. Въ то время, какъ они такъ глупо рукоплескали провозглашенію болгарской схизмы и еще глупѣе хвалились энергической поддержкой со стороны могущественной англиканской церкви, судьба подготовляла уже имъ горькое разочарованіе въ извѣстной исторіи архіепископа каппадокійскаго, который (въ 1872 г.) оказался вынужденнымъ буквально вырывать овецъ своего стада изъ прожорливой пасти англиканскихъ волковъ-миссіонеровъ. Имъ вѣроятно и во снѣ не грезились тѣ продѣлки, которыми потомъ озадачили ихъ протестантскіе миссіонеры въ Палестинѣ, Бруссѣ и даже во многихъ городахъ эллинскаго королевства, гдѣ прозелитизмъ строго запрещенъ. И что особенно замѣчательно, такъ это то, что наиболѣе наглыя изъ этихъ продѣлокъ падали на время наиболѣе оживленной переписки представителей англиканской церкви съ представителями православной, именно когда архіепископъ кэнтербюрійскій Арчибальдъ Кэмбель въ своемъ письмѣ къ патріарху Григорію VI изливался въ пламенныхъ молитвахъ о возсоединеніи церквей, въ это-то время протестантскіе миссіонеры и дали самыя убѣдительныя доказательства того, что и они, какъ раньше ихъ собратья католики, ничего другаго въ своей такъ называемой просвѣтительной дѣятельности на востокѣ не преслѣдуютъ, кромѣ самой безшабашной и необузданной эксплуатаціи востока. И это должно быть тѣмъ обиднѣе для національнаго и церковнаго чувства грековъ, что Восточная церковь всегда относилась къ протестантамъ съ большею любовію и предупредительностью, чѣмъ къ католикамъ. Изъ множества доказательствъ тому приведемъ не многія. Извѣстно, что православная церковь принимаетъ одно только крещеніе и единственно законною и правильною формою его признаетъ погруженіе, обливаніе же, представляющее общераспространенную форму крещенія на Западѣ, допускаетъ лишь какъ исключеніе въ крайнихъ случаяхъ, т. е. въ тѣхъ случаяхъ, когда совершеніе крещенія чрезъ погруженіе оказывается физически невозможнымъ. При всемъ томъ упомянутые выше патріархи Кипріанъ и Іеремія (1710—1730) предложили не перекрещивать лютеранъ и кальвинистовъ и тѣмъ

засвидѣтельствовали, что признаютъ крещеніе протестантовъ дѣйствительнымъ. Той же практики держится и до сихъ поръ Русская церковь. А константинопольскій патріархъ Григорій VI около десяти лѣтъ тому назадъ далъ позволеніе греческимъ іереямъ и архіереямъ погребать англиканъ и протестантовъ по обряду православной церкви тамъ, гдѣ не окажется пасторовъ ихъ исповѣданія. Съ истиннымъ утѣшеніемъ услышали мы также, что нынѣшній александрійскій патріархъ святѣйшій Софроній не разъ предлагалъ греческимъ священникамъ хоронить протестантовъ. Въ силу подобнаго же предложенія три года тому назадъ былъ похороненъ по православному обряду даже католикъ, не признававшій впрочемъ главенства папы. Но всѣ эти уступки со стороны Греко-Россійской церкви относительно протестантовъ имѣли своимъ послѣдствіемъ лишь то, что протестантовъ не примирили съ православными, а католиковъ окончательно оттолкнули отъ нихъ и озлобили.

Это прогрессивное озлобленіе католиковъ противъ православныхъ можно наблюдать какъ на Востокѣ, такъ и въ Россіи. Тамъ и здѣсь наиболѣе характерными представителями и проводниками его были іезуиты. Созданные спеціально для борьбы съ протестантствомъ, они съ упорствомъ, энергіей и ловкостью, достойными лучшаго примѣненія, слѣдили за своимъ врагомъ всюду, гдѣ только онъ ни появлялся, и старались ему вредить всевозможными средствами. Само собою разумѣется, что всякая, даже ничтожная уступка со стороны православныхъ протестантамъ и хотя бы то фиктивное сближеніе съ ними должны были поднимать всю желчь со дна души почтенныхъ патеровъ и заставлять ихъ съ удвоеннымъ ожесточеніемъ набрасываться на мнимыхъ союзниковъ протестантства. Понятно, что этимъ послѣднимъ доставалось особенно больно тамъ, гдѣ они были слабѣе и беззащитнѣе политически — именно на востокѣ. Излагать подробно исторію интригъ и козней іезуитовъ на востокѣ со времени ихъ появленія здѣсь и до конца прошлаго столѣтія, значило бы писать мартирологъ восточнаго христіанства, по обилію жертвъ нисколько не уступающій обилію жертвъ временъ иконо-

борства. Но и православный русскій народъ вписалъ въ этотъ мартирологъ не одну сотню тысячъ своихъ чадъ во время введенія и господства пресловутой уніи въ Польшѣ, Литвѣ и коренныхъ русскихъ земляхъ, случайно подпавшихъ подъ власть Польши. Долго было бы разсказывать эту скорбную исторію. Да и нужно ли ее разсказывать? Кто ее не знаетъ и особенно изъ русскихъ? Достаточно напомнить мрачную эпоху самозванцевъ, которою, какъ это теперь вполнѣ доказано, православная Россія была обязана главнымъ образомъ کознямъ іезуитовъ.

Къ счастію Римъ обчелся. Создать догматическое средостѣніе между православными греками и русскими въ пресловутой уніи ему не удалось. Хотя нужно сознаться, что планъ разъединенія двухъ единовѣрныхъ народовъ составленъ былъ куріей съ дьявольскимъ искуствомъ и если бы удался, то православные греки лишились бы единственныхъ своихъ покровителей и защитниковъ въ православныхъ царяхъ русскихъ. Но развѣ не ту же самую цѣль преслѣдовали миссіонеры, дипломаты и вообще заправители судебъ протестантизма, подбивавшіе нѣсколько лѣтъ тому назадъ греческую церковь къ отлученію болгаръ и другихъ славянскихъ племенъ? Развѣ это отлученіе не было бы вѣрнѣйшимъ средствомъ лишить грековъ вѣковаго сочувствія и поддержки со стороны православной Россіи? Приглашаемъ греческихъ умниковъ подумать объ этомъ.

А для того, чтобы ихъ мысль не отклонялась отъ прямого пути, напомнимъ имъ нѣкоторые, очевидно забытые ими факты изъ исторіи такъ называемой просвѣтительной дѣятельности католиковъ и протестантовъ на Востокѣ или, говоря языкомъ болѣе точнымъ, изъ исторіи ихъ взаимнаго соперничества, стоившаго восточному христіанству цѣлаго моря слезъ и крови. Предъ нами отцы іезуиты. Востокъ имѣлъ несчастіе впервые увидѣть ихъ у себя въ 1583 г. въ качествѣ агентовъ папы Григорія XIII. Благодаря своей настойчивости и искуству, они скоро пріобрѣтаютъ здѣсь такую силу, что уже въ 1610 г. Высокая Порта оказывается вынужденною гнать ихъ изъ предѣловъ имперіи. Но выгнать ихъ

оказалось труднѣе, чѣмъ впустить: они не только успѣли пріобрѣсти себѣ могущественную поддержку въ послахъ католическихъ державъ, но и преданныхъ благожелателей въ лицѣ константинопольскихъ патріарховъ Кирилла II-го, бывшаго митрополита веррейскаго, Григорія IV, бывшаго митрополита амассійскаго и Аѳанасія III Пателарія (съ 1623 по 1650 г.). Это послѣднее обстоятельство естественно возбуждало зависть и соревнованіе въ протестантахъ. Послѣ многихъ безплодныхъ усилій имъ удалось наконецъ возвесть на патріаршій престолъ расположеннаго къ нимъ человѣка въ лицѣ Кирилла Лукариса. Но съ этого то момента и началась между соперниками борьба не на животъ, а на смерть изъ-за преобладанія въ Восточной церкви, на долю которой доставались въ этой борьбѣ лишь одни униженія и страданія. Римъ конечно не могъ простить протестантамъ ихъ успѣха и пустилъ въ ходъ всѣ свои рессурсы, чтобы выбить ненавистныхъ соперниковъ изъ занятой ими выгодной позиціи. И дѣйствительно іезуитамъ посредствомъ разныхъ махинацій удалось добиться низложенія Кирилла чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его возведенія и они поспѣшили отправить въ Римъ нарочнаго гонца съ извѣстіемъ объ этомъ радостномъ для куріи событіи. Но и протестанты не дремали. При помощи тѣхъ же махинацій они добились возстановленія Кирилла. Іезуиты конечно не могли дозволить своимъ противникамъ такъ легко восторжествовать надъ собою и борьба закипѣла съ новою силою. Но по всей вѣроятности она не приняла бы такихъ широкихъ размѣровъ и такого остраго характера, если бы Кириллъ Лукарисъ былъ обыкновенною заурядною личностью. Но на свое несчастіе и на несчастіе своей церкви онъ оказался человѣкомъ не только умнымъ и энергическимъ, но и задававшимся широкими планами: онъ мечталъ о подъемѣ народнаго духа, о распространеніи образованія, объ открытіи школъ и типографій, изданіи книгъ и пр. при помощи своихъ протестантскихъ друзей. А этого конечно не могли простить ему іезуиты. И такъ какъ разборчивость въ выборѣ средствъ не принадлежала къ числу ихъ политическихъ и нравственныхъ

принциповъ, то они пустили въ ходъ и инсинуаціи и клевету, пытались дискредитировать въ глазахъ правительствъ всѣ его самыя невинныя начинанія, набросить тѣнь на его политическую благонадежность. Они начали съ типографіи, распустивши молву, что въ ней печатаются книги, направленныя противъ господствующей религіи (магометанства), и хотя доносъ оказался клеветою, тѣмъ не менѣе всѣ книги, найденныя въ типографіи были конфискованы, всѣ рабочіе вмѣстѣ съ начальникомъ типографіи были арестованы и типографія закрыта, — и все это было сдѣлано почтенными патерами, руководившими всей этой интригой, въ то самое время, когда Лукарисъ давалъ обѣдъ посланникамъ дружески расположенныхъ къ нему протестантскихъ державъ. Но ударъ, такъ ловко направленный противъ ненавистнаго патріарха, не попалъ однакожъ въ цѣль съ этой стороны,—великій муфтій, которому было поручено султаномъ разсмотрѣть конфискованныя въ типографіи книги, не нашелъ въ нихъ ничего оскорбительнаго для магометанства,— тѣмъ смѣлѣе и вѣрнѣе онъ былъ нанесенъ съ другой стороны. Патріархъ былъ оговоренъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ русскими и когда случайный набѣгъ казаковъ на берега Босфора далъ видимость основательности этому оговору, то съ позоромъ былъ низложенъ. Ровно пять разъ возвышался и падалъ злополучный патріархъ, обозначая всякій разъ своимъ возвышеніемъ и паденіемъ торжество или пораженіе боровшихся изъ-за него противниковъ. Но въ концѣ концовъ побѣда все таки осталась за іезуитами. Они добились таки того, что ненавистный имъ патріархъ былъ удавленъ по приказанію Мурада IV. Не дешево впрочемъ досталась имъ побѣда. Голова Лукариса обошлась имъ въ 50,000 скуди, внесенныхъ въ казну великаго визиря. Тотъ же оговоръ и съ такимъ же успѣхомъ былъ пущенъ въ ходъ и противъ преемниковъ Кирилла Парѳенія II (въ 1651 г.) и Парѳенія III (въ 1657 г.) и на этотъ разъ, повидимому, даже совокупными усиліями бывшихъ соперниковъ, встревоженныхъ замѣтнымъ возрастаніемъ русскаго вліянія въ Стамбулѣ. Ненависть іезуитовъ къ Лукарису доходила даже

до смѣшного: они не хотѣли оставить его въ покоѣ даже въ могилѣ, вырыли его трупъ и бросили въ море. О скандальномъ шумѣ, поднятомъ ими изъ-за православія этого патріарха и стоившемъ восточной церкви почти пятидесятилѣтнихъ волненій, мы имѣли уже случай упомянуть выше.

А вотъ нѣсколько фактовъ изъ исторіи знаменитой римской пропаганды на Востокѣ. Цѣлію ея было подчиненіе Восточной церкви Риму. Римъ и не скрывалъ этого, да и безполезно было бы скрывать. Это была вѣковая традиціонная цѣль всѣхъ его дѣйствій на Востокѣ, давнымъ давно всѣмъ и каждому извѣстная. Непосредственные результаты этой пропаганды, вообще говоря, были ничтожны. Они ограничились совращеніемъ въ латинство нѣсколькихъ отдѣльныхъ греческихъ семействъ на островахъ Іоническаго и Эгейскаго морей, въ Хіосѣ, Смирнѣ и другихъ мѣстностяхъ. Но нравственное и матеріальное зло, причиненное населенію дѣйствіями агентовъ пропаганды, было неисчислимо. Оно сказалось въ возбужденіи религіозныхъ и всякихъ другихъ страстей среди мирнаго и дотолѣ согласнаго и дружнаго населенія, въ развитіи и увѣковѣченіи вражды, распри и ссоръ между бывшими единовѣрцами и даже близкими родственниками. Не осталось ни одной мѣстности въ турецкой имперіи, гдѣ бы не попыталась съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ утвердиться пропаганда, и вездѣ ея появленіе сопровождалось одними и тѣми же послѣдствіями для мѣстнаго населенія. Эти послѣдствія были тѣмъ печальнѣе, чѣмъ населеніе было смѣшаннѣе. Такъ въ первой четверти минувшаго столѣтія она съ большимъ успѣхомъ открыла свои дѣйствія среди православныхъ арабовъ антіохійскаго патріархата, вооруживъ ихъ противъ патріарха Сильвестра за то, что послѣдній не нашелъ возможнымъ разрѣшить имъ употребленіе скоромной пищи по средамъ и пятницамъ. Въ третьей четверти того же столѣтія она проникла въ Болгарію и старалась такимъ же точно образомъ вооружить православныхъ болгаръ противъ патріарха константинопольскаго и своими интригами вынудила патріарха Самуила хлопотать о закры-

тіи болгарскаго патріаршества и о подчиненіи болгарскихъ архіереевъ непосредственно вселенскому престолу, что ему дѣйствительно и удалось въ 1767 г. Опускаемъ возмутительныя подробности дѣйствій римской куріи среди православнаго населенія, подвластнаго Венеціанской республикѣ и Австрійской имперіи. Замѣтимъ только, что полному простору этихъ дѣйствій по крайней мѣрѣ въ Славоніи, Сирміи, Кроаціи, Далмаціи, Трансильваніи и вообще въ земляхъ Австрійской короны мѣшала таже позоримая теперь близорукими аѳинскими политиканами Россія. Нуждаясь постоянно то въ союзѣ, то въ дружественномъ нейтралитетѣ Россіи, имперія Габсбурговъ волей-неволей должна была въ угоду ей сдерживать миссіонерскія и всякія другія поползновенія куріи и ея клевретовъ среди православнаго населенія имперіи.

Новѣйшіе ея подвиги слишкомъ свѣжи еще у всѣхъ въ памяти, чтобы подробно объ нихъ распространяться. Ея рука была замѣшана и въ крымской войнѣ, и въ критскомъ возстаніи, и въ болгарской схизмѣ и въ секуляризаціи монастырскихъ имѣній Кузою, словомъ во всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ событіяхъ текущаго столѣтія съ послѣднимъ герцеговинскимъ возстаніемъ включительно. И если въ концѣ концовъ она терпѣла неудачу, то это ни мало ее не обезкураживало и она немедленно же принималась за новыя махинаціи и все-таки кое-что въ частностяхъ выигрывала.

Что же протестанты? Исторія ихъ дѣйствій на Востокѣ была въ сущности вторымъ исправленнымъ и дополненнымъ изданіемъ исторіи дѣйствій римской куріи, такъ что еще вопросъ, кто больше нанесъ вреда восточному православію: католики или протестанты. Послѣдніе, правда, рѣдко прибѣгали къ тѣмъ грубымъ пріемамъ насилія, къ которымъ любили прибѣгать первые чрезъ посредство подкупленныхъ чиновниковъ Порты, а дѣйствовали болѣе осторожно и политично, но въ конечномъ результатѣ восточная церковь едва ли не болѣе терпѣла и нравственно и матеріально отъ ихъ дѣйствій, чѣмъ отъ дѣйствій католиковъ.

Въ какомъ лучезарномъ свѣтѣ является сравнительно съ этими

фальшивыми друзьями и лже-братіями восточныхъ христіанъ святая Русь, ихъ единственный истинный и неизмѣнный покровитель и другъ. Чистая въ своей совѣсти, *не ищущая своихъ си,* она постоянно и неизмѣнно стояла на стражѣ ихъ матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ, не щадя ни своего имущества, ни драгоцѣнной крови своихъ дѣтей. Ей и только ей одной они обязаны тою долею самобытности и благосостоянія, которую имъ удалось отстоять и отъ грубаго насилія поработителей и отъ тонкой эксплуатаціи западныхъ лже-братій. Къ разъясненію этой роли ея относительно Востока мы теперь и переходимъ.

V.

Въ 1453 г. Константинополь палъ и административная зависимость русской церкви отъ константинопольской стала мало по малу ослабѣвать, а потомъ и совсѣмъ прекратилась. Но это обстоятельство нисколько не измѣнило фактическихъ отношеній между ними. Напротивъ, эти отношенія сдѣлались болѣе близкими и родственными. Обѣ церкви продолжали по прежнему обмѣниваться взаимными услугами съ готовностью и предупредительностью истинно братскими. Ни одно сколько нибудь важное дѣло въ русской церкви не дѣлалось безъ сношеній съ восточною, безъ совѣта и участія послѣдней.

Намъ нѣтъ нужды подробно излагать всѣ случаи этихъ сношеній, достаточно остановиться на важнѣйшихъ. Такими мы считаемъ сношенія по вопросу объ исправленіи старопечатныхъ книгъ, объ учрежденіи патріаршества въ Россіи и о закрытіи его.

Исторія книжнаго исправленія въ Россіи имѣетъ, какъ извѣстно, свою драматическую прелюдію, въ которой главную роль суждено было играть одному греческому учоному. Въ 1507 г. великому князю Василію Ивановичу, отцу Грознаго, понадобилось разобрать и привести въ порядокъ свою библіотеку и онъ обратился на Востокъ съ просьбою о присылкѣ оттуда пригоднаго для этой цѣли

человѣка. Востокъ прислалъ къ нему Максима грека, едва ли не лучшаго своего учонаго въ тогдашнее время. Кромѣ успѣшнаго исполненія дѣла, для котораго былъ призванъ, преподобный Максимъ, какъ извѣстно, своими замѣчаніями первый обратилъ вниманіе подлежащихъ властей на нѣкоторыя неправильности, вкравшіяся въ обряды и богослужебныя книги русской церкви и указалъ на необходимость ихъ пересмотра и исправленія. Дорого это ему стоило; но не объ этомъ теперь рѣчь. Во всей этой исторіи для насъ важно въ данномъ случаѣ лишь то, что одна церковь довѣрчиво обратилась къ содѣйствію другой, а эта другая предупредительно спѣшила оказать это содѣйствіе. Тоже явленіе проходитъ и по дальнѣйшей исторіи этого дѣла. Патріархи московскіе Филаретъ Никитичъ, Іосифъ и Никонъ ищутъ на Востокѣ книгъ и людей, необходимыхъ для предпринятаго исправленія, а патріархи восточные спѣшатъ присылать имъ и тѣхъ и другихъ. Краснорѣчивое доказательство тому представляютъ труды братьевъ Лихудовъ и драгоцѣнная коллекція рукописныхъ сборниковъ, отчасти вывезенныхъ съ Востока Арсеніемъ Сухановымъ, отчасти присланныхъ приснопамятнымъ іерусалимскимъ патріархомъ Досиѳеемъ и другими восточными іерархами и составляющихъ въ настоящее время лучшее украшеніе московской синодальной библіотеки.

Тѣмъ же характеромъ отпечатлѣны сношенія между церквами и по двумъ другимъ, указаннымъ нами вопросамъ. Фактическая сторона этихъ сношеній не нуждается въ подробномъ изложеніи, какъ достаточно всѣмъ извѣстная. Но духъ любви, довѣрія и предупредительности, обнаруженный сторонами, заслуживаетъ быть отмѣченнымъ хотя бы то для назиданія аѳинскихъ политиковъ. Въ исторіи сношеній между церквами по этимъ вопросамъ особенно заслуживаетъ быть отмѣченною благосклонная внимательность православныхъ русскихъ вѣнценосцевъ къ высшимъ представителямъ восточной церкви. Патріархъ Іеремія II, игравшій, какъ извѣстно, одну изъ главныхъ ролей въ исторіи учрежденія въ Россіи патріаршества, былъ до того очарованъ благосклоннымъ пріемомъ и

предупредительностью благочестиваго царя Θеодора Іоанновича и его правительства, что потомъ во всю жизнь свою повторялъ, что „нигдѣ кромѣ Россіи не встрѣчалъ онъ такого радушія, сочувствія и щедрости“. Имѣлъ также всѣ причины быть довольнымъ русскимъ императоромъ и правительствомъ и соименникъ его Іеремія III, при которомъ состоялось закрытіе русскаго патріаршества и учрежденіе Св. Синода. Свое вниманіе и предупредительность къ высшему представителю восточной церкви Великій Петръ простеръ до предѣловъ возможнаго. О представителяхъ самой русской церкви и о православномъ русскомъ народѣ и говорить нечего. Ихъ любовь и преданность своей матери церкви восточной выше всякой похвалы.

Мы никогда не кончили бы, если бы стали перечислять всѣ случаи фактическаго проявленія этой любви и преданности. Достаточно напомнить о томъ радушномъ гостепріимствѣ, которое встрѣчалъ на св. Руси всякій пришлецъ съ Востока, независимо отъ его происхожденія и цѣли прибытія, о той неистощимой щедрости, съ какою подавалась и нарочито посылалась на Востокъ такъ называемая милостыня какъ царями, такъ и простыми вѣрующими, о непрерывной почти вереницѣ восточныхъ сборщиковъ этой милостыни, нерѣдко весьма назойливыхъ и безцеремонныхъ и далеко не всегда оправдывавшихъ оказываемое имъ довѣріе... Да, велика ты, святая Русь, въ своей истинно христіанской любви! И да падетъ вѣчный позоръ на головы тѣхъ, которые этого не понимаютъ, и еще болѣе на головы тѣхъ, которые этимъ злоупотребляютъ!...

Переходимъ къ факту, послужившему первымъ и, къ счастію, единственнымъ пока камнемъ претыканія между греческой и русской церквами во весь многовѣковый періодъ ихъ совмѣстной исторіи, разумѣемъ болгарскую схизму. Фактъ этотъ, какъ извѣстно, подалъ поводъ нѣкоторымъ неумѣреннымъ греческимъ патріотамъ къ злымъ и несправедливымъ выходкамъ противъ русской церкви, на которую они пытались возложить всю отвѣтственность за этотъ фактъ,

и послужилъ даже причиною временнаго охлажденія между церквами. Между тѣмъ вотъ какъ было дѣло.

Болгарскій церковный вопросъ былъ въ сущности вопросомъ административнымъ. Такъ смотрѣла на него и сама константинопольская церковь до 1868 года, но съ этого года она измѣнила свой взглядъ и стала смотрѣть на него, какъ на вопросъ догматическій. Что же однакожъ случилось въ этомъ году такого, что заставило ее измѣнить свой прежній взглядъ и справедливо ли она поступила? Обратимся къ фактамъ.

Чего искали сначала православные болгары? Они вспомнили, что когда-то у нихъ была автокефальная церковь, которая существовала много лѣтъ не только до ихъ прибытія въ нынѣшнюю Румелію и поселенія въ ней, но и послѣ этого. Это не значило конечно, что іерархи этой автокефальной церкви были всѣ заурядъ болгары по національности; нѣтъ, сколько мы можемъ судить по дошедшимъ до насъ памятникамъ, значительная, если не большая, часть ихъ были греки по той простой причинѣ, что греческое племя какъ до паденія Константинополя, такъ и послѣ онаго, было самымъ даровитымъ, развитымъ и образованнымъ между восточными племенами и вслѣдствіе этого естественно выдвигалось на передовыя мѣста какъ въ церкви, такъ и въ государствѣ и въ обществѣ. Это однакожъ нисколько не мѣшало болгарской церкви быть независимой отъ церкви константинопольской. Но въ 1767 году, когда патріархъ Самуилъ подчинилъ ее вселенскому престолу, она не только утратила свою независимость, но и архіереевъ своей національности. Съ этихъ поръ всѣ епископскія каѳедры въ Болгаріи стали замѣщаться исключительно греками. Если бы не вспомнили объ этой случайно утраченной автокефальности сами болгары, то не преминули бы напомнить имъ о ней иностранныя пропаганды, конечно не въ ихъ, а въ своемъ интересѣ. Такъ то повидимому и было на самомъ дѣлѣ. Онѣ повидимому первыя посовѣтовали болгарамъ добиваться туземной іерархіи. Совѣтъ этотъ былъ горячо поддержанъ болгарскими урожденцами, получившими свое образова-

ніе въ Западной Европѣ. Они написали и издали исторію Болгаріи и усердно стали пропагандировать и въ школахъ и литературѣ принципъ національности. Принципъ этотъ несомнѣнно сказывался уже въ требованіи національной іерархіи, но еще яснѣе сказался онъ въ другомъ нѣсколько позже заявленномъ требованіи, чтобы половина членовъ патріаршаго синода въ Константинополѣ состояла изъ архіереевъ болгаръ. По нашему личному мнѣнію, племя, по своей численности представлявшее цѣлую треть всего православнаго населенія турецкой имперіи, имѣло право заявить если не это самое, то подобное этому требованіе. Но дѣло въ томъ, что въ моментъ заявленія этого требованія существовалъ въ константинопольской церкви статутъ (συνταγμάτιον), въ которомъ было указано свое мѣсто (τάξιν) каждому изъ болгарскихъ архіереевъ, и они могли быть приглашаемы для присутствія въ синодѣ не иначе, какъ по этому статуту. Можетъ быть, можно было бы вмѣсто шести болгарскихъ іерарховъ допустить въ патріаршій синодъ трехъ, да столько же въ народный совѣтъ, но какъ на зло дѣйствовавшія тогда въ управленіи константинопольскою церковію правила (κανονισμοί) только что были составлены и утверждены Высокою Портою. Приходилось ихъ измѣнять въ угоду болгарамъ чуть не на второй день послѣ ихъ утвержденія. Конечно, при существованіи доброй воли къ тому со стороны патріархіи, это обстоятельство не могло служить непреодолимымъ препятствіемъ къ исполненію требованія болгаръ и особенно въ тѣхъ скромныхъ размѣрахъ, которые намѣчены нами. Къ несчастію этой-то доброй воли именно и не доставало. Патріархъ и члены синода отнеслись къ требованію болгаръ болѣе чѣмъ равнодушно. Это равнодушіе возмутило и раздражило болгаръ и они, настаивая на прежнихъ требованіяхъ, начали ихъ постепенно расширять и такимъ образомъ дѣло, столь простое въ началѣ, стало болѣе и болѣе осложняться, и когда патріархія на новыя требованія болгаръ стала отвѣчать прямыми отказами, приняло весьма острый характеръ. На отказы патріархіи болгары стали отвѣчать демонстраціями не всегда невиннаго свой-

ства. Благоразумные изъ болгаръ до сихъ поръ сожалѣютъ о выходкѣ двухъ болгарскихъ епископовъ, которые, совершая литургію въ церкви св. Стефана близъ Фанара, не помянули константинопольскаго патріарха, въ епархіи котораго находилась означенная церковь.

Но дѣло не могло долго оставаться въ томъ нерѣшительномъ положеніи, въ какое оно было поставлено упорствомъ патріархіи. Нужно было такъ или иначе его рѣшить. Настоятельность этого рѣшенія сдѣлалась особенно неотразимою послѣ того, какъ само правительство признало за избранниками болгарскаго народа характеръ его представителей. Не могла же патріархія отказывать имъ въ этомъ характерѣ. Но пожаръ все-таки вспыхнулъ не вдругъ. Дѣло еще не было доведено до крайности, когда вселенскій патріархъ Софроній отказался отъ престола и его мѣсто занялъ Григорій VI. Противъ личныхъ достоинствъ этого безспорно замѣчательнѣйшаго изъ патріарховъ новѣйшаго времени никто ничего сказать не можетъ. Это былъ достойнѣйшій человѣкъ, съ глубокимъ личнымъ благочестіемъ соединявшій горячую ревность о благѣ и славѣ церкви. Но къ несчастію его окружали невѣжественные, слишкомъ нерасположенные къ православнымъ славянамъ и не въ мѣру ухаживавшіе за англійскимъ посольствомъ совѣтники. Эти люди (большинство ихъ состояло изъ мірянъ, клириковъ было очень мало) успѣли увѣрить благочестивѣйшаго патріарха, что болгарскій вопросъ касается не административной перемѣны въ церкви, а прибавленія новаго догмата, который они же и окрестили именемъ *филетизма*. Историкъ, которому вздумалось бы когда нибудь написать церковную исторію XIX вѣка, если бы только самъ не былъ замѣшанъ въ разсказываемыя событія и пожелалъ отнестись къ нимъ вполнѣ безпристрастно, легко убѣдился бы въ томъ, что главною причиною, сдвинувшею это дѣло съ его правильнаго пути, было вмѣшательство въ него мірянъ. Имъ принадлежитъ не завидная честь изобрѣтенія новой ереси. А что такое этотъ пресловутый филетизмъ, богословы-міряне не давали себѣ труда опредѣлить по-

точнѣе. Для нихъ было достаточно того, что болгары требовали, чтобы при извѣстныхъ обстоятельствахъ въ мѣстности, населенной греками и болгарами, было два епископа—одинъ для грековъ, другой для болгаръ, и это-то требованіе они и провозгласили ересью филетизма. Но православная церковь, и особенно въ древнее время, повидимому не разъ видала такую ересь и ни мало не смущалась этимъ; напримѣръ, 8-е правило перваго вселенскаго собора опредѣляетъ буквально: *да не будетъ двухъ епископовъ во градѣ.* Значитъ фактъ совмѣстнаго пребыванія двухъ епископовъ въ одномъ городѣ не былъ новостью уже во времена перваго вселенскаго собора. На нѣчто подобное указываетъ и 12-е правило четвертаго вселенскаго собора: *дошло до насъ,* читаемъ мы въ этомъ правилѣ, *яко нѣкіе, вопреки церковнымъ постановленіямъ, прибѣгнувъ къ властямъ, посредствомъ прагматическихъ граматъ единую область* (ἐπαρχίαν) *на двѣ разсѣкли, яко быти отъ сего во единой области двумъ митрополитамъ.* Правда, церковь не одобряла подобныхъ дѣлъ, но и не смотрѣла на нихъ, какъ на ересь, и относилась къ нимъ далеко не съ такою строгостью, съ какою относилась къ другимъ нарушеніямъ своихъ канонов, поражая эти послѣднія нарушенія анаѳемой. Та же самая церковь допускала существованіе въ одномъ городѣ двухъ епископовъ для православныхъ христіанъ, принадлежащихъ къ разнымъ національностямъ. Такъ напримѣръ давно-ли жилъ въ Іерусалимѣ русскій епископъ Кириллъ Мелитопольскій, управлявшій русскими поклонниками. На подобныя вещи православная церковь не обращала большаго вниманія и во всякомъ случаѣ не смотрѣла на совмѣстное пребываніе двухъ епископовъ въ одномъ городѣ, какъ на ересь. Мы думаемъ, что не увидѣла бы свѣта эта пресловутая ересь и въ наше время, если бы не помогли ея появленію постороннія вліянія, для которыхъ было важно создать догматическое средостѣніе между двумя единовѣрными народностями—греческой и славянской. Но и при этомъ коварная цѣль подстрекателей едва-ли была бы достигнута,—ихъ усилія вѣроятно разбились бы объ инстинктивное отвращеніе

православнаго греческаго простонародья къ разрыву съ своими славянскими единовѣрцами и преимущественно съ Россіей, на которую оно привыкло смотрѣть, какъ на свою естественную и единственную покровительницу и защитницу,—если бы не подоспѣло имъ на помощь одно весьма важное обстоятельство. Этимъ обстоятельствомъ была неудача извѣстнаго критскаго возстанія. Когда для рѣшенія судьбы злополучнаго острова собралась въ 1868 г. извѣстная конференція въ Парижѣ, греки, не посвященные въ тайны европейской дипломатіи, оставались въ увѣренности, что Россія отниметъ Критъ у Турціи и передастъ греческому королевству. Конечно, такое приращеніе свободной Эллады было хорошо и желательно для Россіи; но къ несчастію Россія въ то время не имѣла въ совѣтахъ Европы того вѣса и значенія, которые она пріобрѣла въ 1877 г. и вслѣдствіе этого Критъ остался за Турціей. Такой исходъ критскаго возстанія возмутилъ до глубины души грековъ и они излили свое раздраженіе и негодованіе на Россію. Греческіе публицисты Константинополя и Аѳинъ начали обвинять ее не въ томъ только, что она не поддержала Греціи въ Парижѣ, но и въ томъ, что будто бы она постоянно становилась на дорогѣ интересамъ эллинизма. Тогда въ первый разъ въ Греціи было напечатано мнимое завѣщаніе Петра Великаго въ переводѣ на греческій языкъ и въ громадномъ количествѣ экземпляровъ было роздано даромъ народу, съ цѣлію просвѣтить его насчетъ мнимыхъ завоевательныхъ плановъ Россіи относительно Востока, не говоря уже о массѣ статей и листковъ, въ которыхъ развивалась мысль о томъ, что Россія есть единственный врагъ греческой церкви и которыя проникали какъ въ высшіе, такъ и въ низшіе слои населенія.

Въ 1870 г. великій визирь Аали-паша обнародовалъ пресловутый фирманъ, которымъ утверждена была независимость ново-образованной болгарской церкви въ политическомъ отношеніи, греческіе публицисты немедленно же открыли походъ противъ генерала Игнатьева, который, по ихъ мнѣнію, былъ главнымъ виновникомъ этого фирмана, и противъ русскаго св. Сѵнода, который не воспро-

тивился его планамъ. Не трудно доказать всю вопіющую несправедливость этого обвиненія. Аали-паша былъ завзятый другъ Англіи и Франціи и кромѣ того былъ интимный другъ французскаго посланника Евгенія Буре, извѣстнаго по своему вмѣшательству въ дѣло о св. мѣстахъ въ 1853 г. Буре въ свою очередь былъ горячимъ почитателемъ и сторонникомъ папы и открыто хвастался тѣмъ, что онъ былъ вдохновителемъ и даже составителемъ фирмана, о которомъ рѣчь. Этому можно и повѣрить, такъ какъ въ случаѣ удачи плана, т. е. въ случаѣ возникновенія раскола, римскому престолу открывалась перспектива наверстать въ Болгаріи то, что было утрачено имъ въ 869 г., какъ мы сказали выше. Но если этотъ фирманъ не былъ произведеніемъ Буре, то еще менѣе онъ могъ быть произведеніемъ генерала Игнатьева или русской церкви. Извѣстная ненависть Аали-паши къ Россіи не могла допустить вліянія русскаго посла на подготовку и обнародованіе такого акта. Вѣроятнѣе же всего то, что актъ этотъ былъ задуманъ и составленъ Аали-пашей по собственной инціативѣ и не въ интересѣ Россіи или Франціи, а въ интересѣ самой Турціи. Онъ очень хорошо зналъ, что греческій патріархъ отвергнетъ фирманъ, вслѣдствіе чего болгарскій вопросъ затянется мертвой петлей на шеѣ обѣихъ православныхъ народностей и распря между ними сдѣлается вѣчною, — что собственно и желательно въ интересѣ Турціи, которая въ послѣднее время можетъ существовать лишь подъ условіемъ разъединенія и вражды между подвластными ей христіанскими народами.

Но въ то время не возможно было ни говорить, ни писать противъ господствовавшаго въ греческихъ руководящихъ кружкахъ взгляда и настроенія. Всякій, осмѣливавшійся имѣть свое сужденіе по этому предмету, немедленно же провозглашался предателемъ отечества. Патріотизмъ измѣрялся тогда степенью ненависти къ Россіи. О ненависти къ болгарамъ и говорить нечего. Понятно, что и болгары платили грекамъ тѣмъ же. Мнѣ разсказывали лица, заслуживавшія полнаго довѣрія, что многіе болгары, встрѣчая погребальную процессію съ греческимъ покойникомъ, злобно поворачива-

лись къ ней спиной. Такія выходки не могли конечно содѣйствовать примиренію разъяренныхъ народностей. А такъ какъ болгары въ глазахъ грековъ были протеже Россіи, то ненависть къ нимъ цѣликомъ переносилась и на Россію. Взаимное раздраженіе росло не по днямъ, а по часамъ. Недоставало лишь формальнаго разрыва, но и онъ не заставилъ себя долго ждать.

Патріархъ Григорій VI не имѣлъ духу провозгласить схизму въ Восточной церкви, но не хотѣлъ и того, чтобы болгары выдѣлились въ особую церковь безъ согласія остальныхъ православныхъ церквей. Схизма провозглашена была въ 1872 г. въ патріаршество Анѳима VI. И онъ впрочемъ не желалъ схизмы, а желалъ примиренія, но, достигши глубокой старости (ему было за 90 лѣтъ), онъ плохо уже владѣлъ собою, не имѣлъ опредѣленныхъ идей, ни выдержки въ характерѣ, сегодня помышлялъ о примиреніи, а завтра отлучалъ отъ церкви болгарскихъ архіереевъ, сегодня давалъ имъ позволеніе служить въ храмѣ св. Стефана, а на слѣдующій день исключалъ ихъ изъ сонма іерарховъ. Къ этому нужно прибавить еще обѣщанія на счетъ примиренія, которыми онъ связалъ себя предъ нѣкоторыми вліятельными лицами при вступленіи своемъ на престолъ. Все это обрекало патріарха Анѳима на совершенное бездѣйствіе, когда 6 января 1872 г. два или три болгарскихъ епископа, литургисая, сдѣлали ошибку—не помянули имени патріарха. Греческая чернь бросилась къ патріарху и виновные епископы были низложены за нарушеніе церковныхъ каноновъ. Въ вину имъ поставлено было между прочимъ то, что они литургисали безъ позволенія патріарха, между тѣмъ позволеніе это было имъ дано предварительно только не на бумагѣ, а на словахъ, что̀ въ сущности было одно и то же. Другою виною ихъ было то, что они не поминали патріарха и кромѣ того одинъ изъ нихъ позволилъ себѣ рукоположить одного іеродіакона. Но кому неизвѣстно, что церковь снисходительно относилась къ нарушенію того или другаго правила, когда нарушеніе произошло среди исключительныхъ обстоятельствъ въ родѣ тѣхъ, въ какихъ находились бол-

гарскіе епископы, въ такихъ случаяхъ она придерживалась обыкновенно такъ называемой теоріи приспособленія къ обстоятельствамъ. Этой теоріи она слѣдовала въ тѣхъ именно случаяхъ, когда строгое примѣненіе извѣстнаго правила могло сопровождаться бо́льшимъ зломъ, чѣмъ его нарушеніе. Этой теоріей руководствовалась церковь, когда епископъ кидонійскій въ 1866 г. по случаю критскаго возстанія переселился на островъ Косъ и совершалъ литургіи и хиротоніи безъ позволенія мѣстнаго митрополита. А не далѣе какъ лѣтъ 7 тому назадъ солунскіе священники, недовольные своимъ митрополитомъ, перестали поминать его имя при богослуженіи. Мало того, одинъ изъ моихъ хорошихъ знакомыхъ увѣрялъ меня, что лѣтъ 14 тому назадъ митрополитъ фанаріоферсальскій Неофитъ, въ самомъ Константинополѣ совершая литургію въ одномъ изъ храмовъ, тоже не поминалъ имени патріарха Софронія по личнымъ неудовольствіямъ съ нимъ. Бывали такіе же случаи и въ древности. Напримѣръ, во времена Златоуста неожиданно въ одинъ день появился въ Константинополѣ александрійскій патріархъ Ѳеофилъ вмѣстѣ съ архіепископомъ кипрскимъ и оба они, не испрашивая предварительно дозволенія мѣстнаго епископа (Златоуста), литургисали и совершали хиротоніи въ городѣ, принадлежавшемъ къ его паствѣ. И въ данномъ случаѣ греческая церковь могла бы примѣнить къ дѣлу означенную теорію, но она предпочла быть строгою. Въ свою очередь болгары, думая, что патріархія такъ строго поступила съ ними по личному нерасположенію, упорствовали въ сопротивленіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что патріархія сдѣлала въ это время немало ошибокъ по невѣжеству. Въ подтвержденіе укажемъ на одинъ примѣръ. Между низложенными за непоминовеніе имени патріарха былъ и епископъ макаріупольскій Иларіонъ. Патріархъ Анѳимъ кромѣ того еще анаѳематствовалъ его, основываясь на 12 правилѣ апостольскомъ. Но учоные клирики патріарха очень неудачно примѣнили къ дѣлу это правило. Оно говоритъ, что если какой либо клирикъ, отлученный отъ общенія церковнаго, перейдетъ въ другой городъ къ

другому епископу, то не долженъ быть принимаемъ безъ представительной грамоты, въ противномъ случаѣ принявшій подвергается тому же наказанію (отлученію). А 13 правило къ этому присовокупляетъ, что таковому клирику должно быть продолжено отлученіе, какъ солгавшему и обманувшему церковь Божію. Знаменитѣйшіе и наиболѣе авторитетные изъ православныхъ канонистовъ такъ толкуютъ это правило: Зонара: „настоящее апостольское правило (13-е) даетъ постановленіе относительно хиротонисованнаго и потомъ отлученнаго, который послѣ этого пришелъ къ другому какому либо архіерею и былъ принятъ имъ въ общеніе по незнанію объ его отлученіи"; Вальсамонъ: „таковый клирикъ, т. е. перешедшій изъ области юрисдикціи одного епископа въ область юрисдикціи другаго, не долженъ быть принимаемъ не потому, что не предъявилъ представительной грамоты, а потому, что былъ *отлученъ*" и далѣе: „въ такомъ случаѣ епископъ, допустившій его къ служенію, и общенію долженъ быть отлученъ, а относительно отлученнаго клирика отлученіе должно быть еще усилено (ἰσχυροποιῆται πλέον ἔτι)", т. е. должно быть подтверждено и митрополитомъ области. Надѣемся, читатель понимаетъ безъ дальнѣйшихъ разъясненій, что ни 12, ни 13 правила апостольскія непримѣнимы къ Иларіону макаріупольскому, котораго никто другой, а самъ же вселенскій патріархъ отлучилъ 17 января 1872 г., мотивируя свое распоряженіе тѣмъ, что поелику послѣ того какъ онъ предварительно отсѣкъ его—говоря его словами—отъ здраваго тѣла церкви, для него новозможно уже имѣть съ нимъ сношенія. Но даже и въ этой формѣ процессъ не обошелся безъ нарушенія церковныхъ каноновъ. По смыслу этихъ каноновъ болгарскіе епископы прежде осужденія должны были быть приглашены дважды или трижды въ сѵнодъ для своего оправданія. Осудивши ихъ безъ соблюденія этой предписанной правилами формальности, сѵнодъ показалъ, что не признаетъ ихъ іерархами константинопольской и вообще Восточной церкви. Но ужъ не слишкомъ ли это?

Прежде чѣмъ осудить болгарскихъ епископовъ, помѣстный

константинопольскій соборъ, созванный для разсмотрѣнія и рѣшенія вопроса о новоявленной ереси филетизма, долженъ былъ пригласить ихъ въ свои засѣданія дважды и трижды для выслушанія ихъ объясненій и оправданія, какъ это дѣлалось въ древней церкви относительно самыхъ опасныхъ еретиковъ. Даже вселенскіе соборы считали для себя обязательною эту практику. Арію и Македонію съ ихъ единомышленниками дозволено было первымъ и вторымъ вселенскимъ соборами вести свое дѣло на условіяхъ, равныхъ съ защитниками православія, т. е. не только защищаться противъ взведенныхъ на нихъ обвиненій, но и дѣлать возраженія своимъ противникамъ. Почему же греческая церковь XIX вѣка отказала обвиняемымъ въ правѣ, которое признавала за ними та же церковь IV и V и далѣе вѣковъ? Для лучшаго выясненія тогдашняго положенія дѣлъ не лишне припомнить, что мѣсяца за три или за четыре до формальнаго провозглашенія схизмы въ Фанарѣ было совершено торжественное молебствіе по случаю выздоровленія принца Уэльскаго отъ постигшей его опасной болѣзни. И тѣ же самыя лица, которыя присутствовали при этомъ молебствіи, вошли потомъ въ составъ депутаціи, явившейся къ патріарху требовать провозглашенія схизмы отъ имени греческаго народа. Въ отвѣтъ на выраженіе сочувствія грековъ къ англійскому королевскому дому англійскій посолъ Генрихъ Элліотъ сдѣлалъ визитъ патріарху и, не нашедши его дома, оставилъ свою визитную карточку. Въ то же время въ Аѳинахъ мѣсто перваго министра занялъ г. Делигеоргисъ, считавшійся сторонникомъ Англіи и продолжателемъ политики Александра Маврокордато. Дряхлый патріархъ не могъ противиться господствовавшему теченію и схизма была провозглашена. Великая ересь филетизма фигурировала при этомъ въ качествѣ единственной причины провозглашенія схизмы. Въ сущности, значитъ, два съ половиной милліона православныхъ болгаръ были отлучены отъ церкви за то лишь, что требовали возвращенія себѣ того, что было у нихъ отнято патріархомъ Самуиломъ въ 1767 г.

Вскорѣ за провозглашеніемъ схизмы послѣдовало низложеніе

іерусалимскаго патріарха Кирилла за то, что онъ будто бы придерживался филетизма. О дѣлѣ блаженнѣйшаго Кирилла такъ много было писано, что распространяться еще разъ было бы излишне. Довольно сказать, что въ его православіи ни на одну минуту не сомнѣвались сами его противники, что доказывается между прочимъ тѣмъ, что чрезъ два съ небольшимъ года послѣ его низложенія іерусалимская церковь прислала ему грамоту съ изъявленіемъ сожалѣнія о случившемся и съ извиненіями, а теперешній іерусалимскій патріархъ Іероѳей провозгласилъ Кирилла православнѣйшимъ и тѣмъ загладилъ несправедливость, надъ нимъ учиненную,—говоримъ несправедливость потому, что ни одинъ изъ церковныхъ каноновъ, постановленныхъ на случай низложенія епископовъ, не былъ соблюденъ при низложеніи Кирилла. Съ другой стороны извѣстно, что покойный патріархъ, извѣстный своей любовью къ наукамъ и ревностью къ православію, вовсе не былъ защитникомъ болгаръ въ томъ смыслѣ, въ которомъ навязывали ему эту защиту его недоброжелатели; онъ настаивалъ лишь на томъ, чтобы не доводить дѣло до разрыва, пока не будутъ истощены всѣ средства къ примиренію патріархіи съ болгарскими епископами, и съ особенной настойчивостью указывалъ на то затрудненіе, въ которомъ можетъ очутиться сама патріархія въ случаѣ неутвержденія ея опредѣленія правительствомъ. При томъ Кириллъ очень хорошо зналъ, для кого и для чего нужна схизма, что ослѣпленные греческіе патріоты въ родѣ Делигеоргиса съ братіей играютъ въ чужую игру, служатъ простыми куклами въ рукахъ англійской политики, и старался разстроить ея замыслы. Вотъ въ чемъ заключался его филетизмъ и вотъ въ чемъ состояла его вина предъ греческой церковью.

Все это отлично знала русская церковь и съ полнымъ сочувствіемъ слѣдила за благородными усиліями патріарха сохранить церковный миръ, желая ему успѣха. Желаніямъ этимъ не суждено было исполниться. Но великою заслугою приснопамятнаго Кирилла предъ православіемъ было то, что, благодаря его усиліямъ, схизма

была такъ сказать локализирована, т. е. ограничилась только болгарами и не распространилась на другія славянскія народности. Греческая церковь со своей стороны обязана ему вѣчною признательностью за то особенно, что онъ удержалъ ее отъ разрыва съ русскою церковью. Въ попыткахъ устроить этотъ разрывъ со стороны близорукихъ греческихъ патріотовъ недостатка не было. До самаго 1877 года докучали они патріарху своими совѣтами настоятельно требовать отъ русскаго св. сѵнода отвѣта на сообщенное ему опредѣленіе Константинопольскаго собора 1872 года. Но, разсматривая дѣло съ канонической точки зрѣнія, мы находимъ, что русскую церковь нельзя было принуждать къ такому отвѣту. Русская церковь знала, что церковь іерусалимская совершила много противо-каноническихъ дѣйствій послѣ паденія патріарха Кирилла. Въ февралѣ 1875 года вынужденъ былъ удалиться на покой патріархъ Прокопій и въ патріархи былъ рукоположенъ архимандритъ Іероѳей. Для избранія Іероѳея сошлись и подали свой голосъ лица, не имѣвшія права постричь простаго монаха или рукоположить кандиловжигателя. Все это знала русская церковь и конечно съ глубокой скорбію смотрѣла на безцеремонное нарушеніе свящ. каноновъ. Но когда та или другая церковь преступаетъ каноническія постановленія и принимаетъ тѣ или другія рѣшенія, не обращая вниманія на то, согласны ли они съ канонами, то другую церковь нельзя принуждать скрѣплять своимъ согласіемъ такія рѣшенія. Далѣе помѣстный соборъ 1872 г. сдѣлалъ постановленіе по догматическому вопросу, именно рѣшилъ вопросъ о ереси, но никогда никакая церковь не имѣла права навязывать другой догматическое опредѣленіе, состоявшееся на соборѣ, въ которомъ эта послѣдняя не пожелала принять участія. Церковная исторія свидѣтельствуетъ, что то или другое догматическое опредѣленіе, постановленное тою или другою церковію на помѣстномъ соборѣ, тогда только имѣло силу, когда было утверждаемо вселенскимъ соборомъ, или представителями всѣхъ автокефальныхъ церквей на мѣстныхъ соборахъ, между тѣмъ опредѣленіе собора 1872 г.

не было утверждено ни русской церковью, ни молдаво-валахской, ни сербской, ни черногорской, ни церковнымъ представительствомъ православныхъ въ Австріи. Но и безъ особыхъ разъясненій читатель пойметъ, что вызванное несчастною болгарскою схизмою охлажденіе между греческою и русскою церквами было и могло быть только временнымъ и ничего не имѣло общаго съ охлажденіемъ между греческою и латинскою церквами.

Возстановленію прежнихъ дружескихъ отношеній много содѣйствовало примирительное положеніе, занятое свято-гробскимъ братствомъ въ 1875 г. относительно блаженнѣйшаго Кирилла, и благоразуміе константинопольскаго патріарха Іоакима III (1873 — 1878 г.).

Когда Іоакимъ III вступилъ на престолъ, раздраженіе въ греческомъ обществѣ противъ славянъ было еще чрезвычайно сильно. Въ 1874 г. изъ восьми членовъ смѣшаннаго народнаго совѣта, призваннаго раздѣлять съ патріархомъ бремя правленія, пять было отъявленныхъ славянофобовъ. Эти господа, равно какъ и многіе другіе усиленно хлопотали о томъ, чтобы весь русскій народъ былъ провозглашенъ схизматическимъ за сочувствіе къ болгарамъ. Результатомъ этого анти-русскаго настроенія было между прочимъ извѣстное столкновеніе между греками и сербами въ Призрѣнской митрополіи. Іоакимъ III послѣ тщательнаго изслѣдованія дѣла оправдалъ сербовъ и это еще болѣе раздражило славянофобовъ. Потомъ когда возникло извѣстное дѣло о монастырѣ св. Пантелеймона и упомянутые выше пять членовъ совѣта потребовали удаленія русскихъ монаховъ со св. горы, какъ схизматиковъ, Іоакимъ воспротивился этому требованію, не смотря на то, что всѣ они принадлежали къ высшему константинопольскому обществу, занимали высокія должности при Портѣ, имѣли большія связи и въ своемъ требованіи были поддерживаемы значительной частью греческой публики. Увѣренные въ своей силѣ, они прямо поставили патріарху дилемму — или усвоить анти-русскую политику, или принять ихъ отставку. Патріархъ избралъ послѣднее. Это произвело сильную

сенсацію и надѣлало тогда много шуму въ Константинополѣ. Но благоразумная рѣшимость патріарха спасла дѣло мира между двумя великими церквами. Русскіе монахи получили полное удовлетвореніе, а съ удаленіемъ изъ совѣта враждебныхъ Россіи пяти членовъ мало-по-малу стало исчезать и анти-славянское возбужденіе и въ администраціи и въ обществѣ. Вскорѣ затѣмъ появилось извѣстное оправданіе патріарха Кирилла Святогробскимъ братствомъ. Іоакимъ со всею готовностію поспѣшилъ поддержать этотъ починъ святогробцевъ и провозгласилъ бывшаго іерусалимскаго патріарха православнымъ. Всѣ эти дѣйствія высокочтимаго патріарха, направленныя къ возстановленію братской любви между греческою и русскою церквами, конечно не могли нравиться любителямъ вражды и раздоровъ; но благодаря стойкости патріарха въ однажды принятомъ направленіи, ряды ихъ постоянно рѣдѣли. Послѣдній ударъ нанесенъ имъ былъ русско-турецкой войной 1877 г. Эта война отрезвила греческое общество и вылечила самыхъ завзятыхъ противниковъ Россіи отъ ихъ руссофобіи. Не мало было и смѣшнаго въ этой руссофобіи. Эти своеобразные греческіе патріоты вообразили себѣ, что русская церковь и Имперія должны вѣчно работать на нихъ за то, что нѣкогда отъ ихъ предковъ приняли вѣру и первыхъ въ ней наставниковъ и руководителей. Но такая претензія къ лицу развѣ римской церкви, а ужь никакъ не константинопольской...

Вотъ безпристрастное изложеніе единственнаго серьезнаго недоразумѣнія между греческою и русскою церквами во весь тысячелѣтній періодъ ихъ совмѣстной исторической жизни. Можно кого угодно винить въ этомъ столкновеніи, только не русскую церковь; мы по крайней мѣрѣ не находимъ, въ чемъ бы можно было винить ее.

Итакъ тѣ, которые думали, что догматическая связь между народами далеко не такъ прочна, какъ связь, основанная на единствѣ интересовъ и политическихъ симпатій, должны теперь сознаться въ своемъ заблужденіи. Намъ остается лишь пожелать, чтобы горькій урокъ, данный событіями, послужилъ имъ въ пользу.

